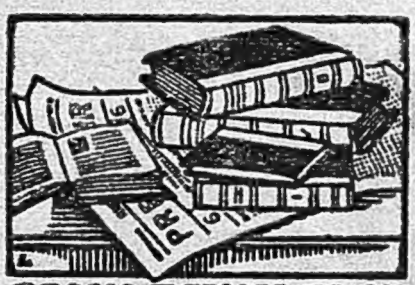
М-608
Три попытки
Эр1 1034

608

П. Н. МИЛЮКОВЪ

ТРИ ПОПЫТКИ

(Къ исторіи русскаго лже-конституціонализма)



ИЗДАТЕЛЬСТВО
ФРАНКО-РУССКАЯ ПЕЧАТЬ
ПАРИЖЪ

ТРИ ПОПЫТКИ.

1-й экз. сек. фонда

П. Н. МИЛЮКОВЪ.

1034 X

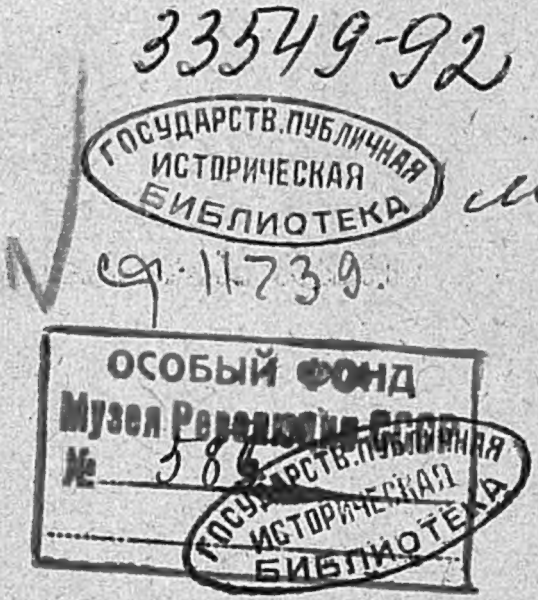
ТРИ ПОПЫТКИ

(Къ исторіи русскаго лже-конституціонализма).

ПАРИЖЪ.

1921.

Всѣ права изданія закрѣплены за издательство
« Франко - Русская Печать »



Типографія «Франко-Русская Печать»
Imprimerie « Presse Franco-Russe »
:: :: 216, Bd Raspail, Paris :: ::

ОТЪ АВТОРА.

Въ печати недавно появились обширные отрывки изъ записокъ Д. Н. Шипова, освѣщающіе его роль въ трехъ интереснѣйшихъ эпизодахъ исторіи нашего псевдоконституціонализма. Рѣчь идетъ о трехъ попыткахъ примирить власть съ обществомъ путемъ созданія министерства съ участіемъ общественныхъ дѣятелей. Въ этихъ попыткахъ пришлось и мнѣ сыграть нѣкоторую роль. Воспоминанія Д. Н. Шипова пробудили мои собственныя, и мнѣ хочется къ его свидѣтельству прибавить мой комментарій. Я думаю, это всего лучше будетъ сдѣлать попутно, слѣдя за изложеніемъ Д. Н. Шипова и сопровождая его моими поясненіями.

Я не хочу предсказывать тотъ выводъ, который долженъ получиться изъ этого сопоставленія. Д. Н. Шиповъ и я — мы представляли два разныя, порою враждебныя, теченія общественнаго мнѣнія. Но мы стояли безконечно ближе другъ къ другу, чѣмъ къ служителямъ стараго самодержавія. Для Витте, особенно для Столыпина Шиповъ былъ, раз-

умѣется, гораздо болѣе *свой* человѣкъ, чѣмъ я: свой по соціальной средѣ, по предыдущей общественной дѣятельности, по личнымъ связямъ. Но Шиповъ, при всѣхъ его славянофильско-монархическихъ склонностяхъ, былъ настоящимъ представителемъ русской общественности и, какъ таковой, былъ, вмѣстѣ со мной, «по ею сторону баррикады». По ту сторону начиналась бюрократія, образовавшая «средостѣніе» между царемъ и народомъ. Шиповъ зналъ это «средостѣніе» лучше, чѣмъ я, его отталкиваніе отъ него было органическое, вынесенное изъ опыта. Въ этомъ запасѣ опыта, земскаго и служебнаго, онъ черпалъ ту твердость и послѣдовательность поведенія, которой не могли-бы ему дать его политическія убѣжденія.

Наблюденія съ двухъ точекъ зрѣнія сообщаютъ наблюдаемому предмету рельефность. Игра представителей старой бюрократіи съ представителями общественности не всегда находитъ въ Шиповѣ достаточно проницательнаго и скептическаго наблюдателя. Провѣрка этихъ наблюденій съ нѣсколько иного наблюдательнаго пункта можетъ ихъ не только исправить и дополнить, но и дать имъ ихъ настоящую цѣну.

ПЕРВЫЙ ОПЫТЪ МИНИСТЕРСТВА ДОВѢРІЯ.

Гр. С. Ю. Витте, послѣ изданія манифеста 17 октября, попытался составить, впервые въ русской исторіи, кабинетъ общественныхъ дѣятелей. Но слово «конституція» было тогда строго запрещено свыше, и гр. Витте пытался найти людей, которые, подобно ему, былибы убѣжденными противниками конституціи и — тѣмъ не менѣе — помогли-бы ему привлечь на свою сторону общественное мнѣніе.

Задача была — уже тогда — совершенно непосильная и утопическая. Гр. Витте не зналъ русской общественности и шелъ къ ней ощупью. И первый опытъ такъ подобрать букетъ русскихъ общественныхъ дѣятелей, чтобы удовлетворить однихъ и обмануть другихъ, — закончился плачевной неудачей. Д. Н. Шиповъ разсказываетъ съ подробностями, публикуемыми впервые, исторію этой первой неудачи, объясняющей столько неудачъ послѣдующихъ... Мы присутствуемъ здѣсь при зарожденіи русской революціи. Прислушаемся къ свидѣтелю, который далекъ отъ по-

ниманія этого рокового значенія эпизода, въ которомъ лично участвуетъ, но разсказываетъ о немъ откровенно и правдиво.

«18 октября 1905 года мною была получена въ Москвѣ телеграмма отъ графа С. Ю. Витте, помѣченная 16-мъ числомъ, но задержанная при передачѣ происходившей въ то время общей забастовкой, въ томъ числѣ и служащихъ въ почт.-телеграфномъ вѣдомствѣ. Гр. Витте просилъ меня пріѣхать немедленно въ С.-Петербургъ. Вечеромъ въ тотъ-же день я воспользовался единственнымъ поѣздомъ, отправлявшимся изъ Москвы, и 19 былъ въ С.-Петербургѣ. По пріѣздѣ я вмѣстѣ съ княземъ П. Н. Трубецкимъ, пріѣхавшимъ одновременно изъ Москвы, посѣтилъ кн. Алексѣя Дмитріевича Оболенскаго, человѣка, бывшаго въ то время правою рукою графа Витте, и отъ него узналъ о намѣреніи графа С. Ю. Витте пригласить меня войти въ составъ образуемаго имъ кабинета и о намѣченныхъ уже измѣненіяхъ въ положеніи о выборахъ въ Государственную Думу, высочайше утвержденномъ 6 августа 1905 года. Въ часъ дня я былъ у графа Витте, у котораго засталъ кн. А. Д. Оболенскаго».

Гр. Витте предложилъ Д. Н. Шипову занять постъ государственнаго контролера. Отвѣтъ Д. Н. Шипова былъ слѣдующій.

«Нужно, чтобы общество было увѣрено,

что старый строй государственнаго управленія уступилъ безповоротно мѣсто новому строю, возвѣщенному 17 октября, а для созданія такой увѣренности необходимо привлечь въ составъ правительства представителей различныхъ общественныхъ круговъ. Я принадлежалъ къ правому крылу земскаго съѣзда въ ноябрѣ 1904 года, къ его меньшинству. Въ настоящее время я не вхожу въ составъ съѣздовъ земскихъ и городскихъ дѣятелей, по несогласію съ принятымъ ими направленіемъ, и потому мое единоличное вступленіе въ кабинетъ не можетъ имѣть значенія. Я указывалъ на необходимость привлечь представителей большинства этихъ съѣздовъ, болѣе лѣваго направленія, и говорилъ, что для созданія атмосферы довѣрія желательно, чтобы общественнымъ дѣятелямъ были предоставлены портфели министровъ: внутреннихъ дѣлъ, юстиціи, земледѣлія, народнаго просвѣщенія, торговли и промышленности. Графъ Витте признавалъ мои соображенія правильными и замѣтилъ, что онъ не боится людей болѣе лѣваго направленія, но считаетъ необходимымъ, чтобы общественные дѣятели, которые согласятся войти въ составъ кабинета, обладали сильной волей, серьезнымъ отношеніемъ къ государственному дѣлу и опредѣленно сознавали необходимость поддержанія авторитета государственной власти и порядка

въ странѣ въ переживаемое переходное время».

Д. Н. Шиповъ предложилъ тогда Витте обратиться къ бюро земскихъ и городскихъ дѣятелей, «высказавъ предположеніе», что бюро изберетъ для переговоровъ съ Витте И. И. Петрункевича, С. А. Муромцева и кн. Г. Е. Львова. Онъ, Шиповъ, тутъ-же намѣтилъ для Муромцева портфель министерства юстиціи, а для двухъ остальныхъ—министерства внутреннихъ дѣлъ и земледѣлія. Съ своей стороны Витте сообщилъ Шипову, что имѣетъ въ виду предложить Е. Н. Трубецкому — министерство народнаго просвѣщенія и А. И. Гучкову — торговли и промышленности.

Д. Н. Шиповъ опоздалъ съ своими «предположеніями». Получивъ телеграмму гр. Витте, Ф. А. Головинъ собралъ экстренно бюро съѣздовъ, которое послало для переговоровъ Ф. Ф. Кокошкина и кн. Г. Е. Львова.

Я былъ въ этомъ утреннемъ засѣданіи на квартирѣ Ф. А. Головина. И. И. Петрункевича, сколько помнится, не было въ Москвѣ: иначе онъ, конечно, попалъ бы въ депутацію. С. А. Муромцевъ, пользовавшійся громаднымъ уваженіемъ, не принадлежалъ къ ядру политической группы, руководившей тогда земскими съѣздами. Его политическое настроеніе не было достаточно извѣстно большинству: да и по личнымъ свойствамъ онъ не могъ

играть инициативную роль. Напротивъ, молодой Ф. Ф. Кокошкинъ уже тогда выдавался ясностью политической мысли и твердостью политическаго поведенія. Будучи земцемъ, онъ въ то же время былъ и интеллигентомъ и хорошимъ знатокомъ конституціоннаго права. Въ московскомъ кругу друзей онъ почти одинъ проявлялъ задатки настоящаго политика. Выборъ Кокошкина для бесѣды съ Витте означалъ, что бюро не хочетъ идти на компромиссныя рѣшенія.

«Основныя положенія, выставленныя депутаціей, были слѣдующія: единственный выходъ изъ переживаемаго положенія — созывъ учредительнаго собранія для выработки основного закона, при чемъ собраніе это должно быть избрано путемъ всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго голосованія: возвѣщенныя въ манифестѣ свободы должны быть немедленно осуществлены: необходима полная политическая амнистія. Всѣ эти реформы неизбѣжны и лучше дать ихъ сразу, чѣмъ идти къ нимъ болѣзненнымъ путемъ черезъ видоизмѣненную Государств. Думу. — Очевидно, замѣчаетъ Шиповъ, что такая постановка вопроса свидѣтельствовала о полномъ отсутствіи сознанія необходимости сохраненія и поддержанія авторитета государственной власти въ переживаемое страной время и исключила для правительства возможность дальнѣйшихъ

переговоровъ съ членами бюро съѣзда земскихъ и городскихъ дѣятелей и привлеченія его представителей къ участію въ государственномъ управленіи».

Рѣзкій отзывъ Шипова объ условіяхъ, поставленныхъ делегаціей бюро съѣздовъ, показываетъ, какъ далекъ былъ не только Витте, но и самъ Шиповъ, отъ пріятія политической формулы, которая, втеченіе поколѣній, сдѣлалась аксіомой для передовой русской общественности. Указывать на единственный теоретически правильный путь созданіи конституціи для него, какъ и для Витте, значило — подрывать авторитетъ государственной власти. Такъ и долженъ былъ смотрѣть недавній принципіальный сторонникъ неограниченной власти монарха, ставшій «конституціоналистомъ, по приказу Его Величества» послѣ октябрьскаго манифеста, т. е. за пять дней до своего разговора съ Витте.

Конечно, можно было смотрѣть на предложенія бюро съѣздовъ, воспроизводившія точку зрѣнія только-что образовавшейся партіи народной свободы, какъ на политическое дотринерство и обвинять делегацію за срывъ переговоровъ, *если бы* дѣло шло *только* о принятіи или отверженіи формулы делегаціи. Но мы сейчасъ увидимъ, что дѣло было вовсе не такъ. Разграничительная грань между властью и обществомъ проходила не на идеѣ учреди-

тельнаго собранія, а на самомъ понятіи конституціи. Что касатся всеобщаго избирательнаго права, эту идею нѣсколько недѣль спустя защищали сами Шиповъ и Гучковъ, какъ представлявшую, съ ихъ точки зрѣнія, реальныя преимущества передъ куріальнымъ представительствомъ крестьянства.

Послѣ того какъ переговоры перешли отъ бюро съѣздовъ (т. е. будущихъ к. д.) къ будущимъ октябристамъ, я не могъ слѣдить за ними непосредственно. Изъ кандидатовъ Витте только кн. Е. Н. Трубецкой поставилъ вопросъ о своей кандидатурѣ на постъ министра (народнаго просвѣщенія) на обсужденіе кружка единомышленниковъ. Трубецкой ждалъ отъ насъ поощренія, чтобы принять кандидатуру. Но мнѣніе большинства было, что нельзя давать Витте возможности вырывать изъ рядовъ общественности отдѣльныхъ лицъ, пока самые основные и принципіальные вопросы, связанные съ осуществленіемъ манифеста 17 октября, были неясны. Быть можетъ, повліяла на наше отношеніе и личность кн. Трубецкого, съ которой трудно сочеталась мысль о высокомъ административномъ постѣ. Передавали слова Витте, послѣ свиданія съ Трубецкимъ: я ожидалъ найти кандидата въ министры, а нашелъ какого-то Гамлета.

Послѣ неудачи переговоровъ съ бюро, т.е.

съ будущими кадетами, Витте снова обратился къ дѣятелямъ болѣе умѣреннаго типа, къ тому-же Д. Н. Шипову и А. И. Гучкову,— къ будущимъ октябристамъ.

«Тотчасъ послѣ пріемъ депутаціи, гр. Витте телеграфировалъ мнѣ, прося немедленно пріѣхать, и 22 октября я былъ въ С.-Петербургѣ. Одновременно былъ приглашенъ пріѣхать А. И. Гучковъ. Утромъ 22 гр. Витте сообщилъ мнѣ о своей бесѣдѣ съ членами бюро съѣздовъ земскихъ и городскихъ дѣятелей, исключившую возможность дальнѣйшихъ переговоровъ, сказавъ, что онъ доложилъ государю о согласіи моемъ на назначеніе меня государственнымъ контролеромъ, что назначеніе мое состоялось и что завтра, 23, я долженъ представиться Его Величеству. Я выразилъ графу С. Ю. Витте мое удивленіе, что онъ, зная о моемъ согласіи вступить въ его кабинетъ лишь при извѣстныхъ условіяхъ, тѣмъ не менѣе счелъ возможнымъ теперь же доложить о моемъ назначеніи Государю; я сказалъ, что считаю себя обязаннымъ изложить Его Величеству тѣ же соображенія, о которыхъ я говорилъ ему, графу Витте. Графъ С. Ю. Витте и присутствующій при этомъ разговорѣ кн. А. Д. Оболенскій, съ своей стороны, удивились моему заявленію и считали мое намѣреніе неосуществимымъ, такъ какъ мое назначеніе уже состоялось. Я повторилъ, что

какъ общественный дѣятель, считаю своимъ долгомъ, разъ его Величеству угодно наградить меня своимъ довѣріемъ, откровенно высказать ему мое убѣжденіе. Послѣ этого графъ Витте обратился по телефону въ Петергофъ къ статсъ-секретарю, кажется, Воеводскому, и просилъ его задержать указъ о моемъ назначеніи впредь до моего представленія Государю Императору, а меня просилъ по возвращеніи изъ Петергофа пріѣхать къ нему».

Получивъ аудіенцію, Д. П. Шиповъ повторилъ Государю тѣ же доводы, которые приводилъ гр. Витте. Но такъ какъ общественные дѣятели указаннаго имъ типа оказались непримиримы, то онъ видоизмѣнилъ свое предложеніе: «можетъ быть, окажется возможнымъ привлечь въ составъ правительства нѣсколько лицъ, пользующихся довѣріемъ различныхъ круговъ общества, и въ такомъ случаѣ и мое участіе въ кабинетѣ могло бы имѣть значеніе; приглашеніе-же меня одного изъ среды общества, въ которомъ я принадлежу по своимъ убѣжденіямъ къ незначительному его меньшинству, скорѣе можетъ дать нежелательные результаты».

Николай Второй нашелъ соображенія Шипова «правильными». Начались новыя совѣщанія: на этотъ разъ съ Шиповымъ, Гучковымъ, М. А. Стаховичемъ и Е. Н. Трубец-

кимъ. Увы, обнаружились новыя затрудненія, передъ которыми и эти общественные дѣятели оказались — слишкомъ «лѣвыми».

«Наибольшее разногласіе вызвалъ вопросъ о замѣщеніи поста министра вн. дѣлъ. Гр. Витте съ самаго начала высказалъ, что при назначеніи лица на этотъ постъ нужно имѣть въ виду, что съ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ соединено завѣдываніе всей, какъ секретной, такъ и общей полиціей, а потому необходимо, чтобы министръ, вступающій въ управленіе этимъ министерствомъ въ моментъ революціи, былъ хорошо ознакомленъ съ организаціей русской полиціи и могъ бы нести отвѣтственность за безопасность царствующаго дома и за огражденіе жизни и имущества гражданъ. Лицами, удовлетворяющими этимъ требованіямъ, являются, по мнѣнію гр. С-я Ю-вича, двое — Д. Ф. Треповъ и П. Н. Дурново. Всѣ участвовавшіе въ совѣщаніи общественные дѣятели горячо возражали противъ этихъ кандидатуръ и отмѣчали, что назначеніе этихъ лицъ, пользующихся рѣзко отрицательнымъ къ нимъ отношеніемъ широкихъ круговъ общества и тѣсно связанныхъ со старымъ режимомъ, исключитъ возможность созданія необходимаго правительству довѣрія населенія. Сознавая безусловную необходимость обезпечить безопасность царствующаго дома и возложить эту отвѣтственную

задачу на лицо, вполнѣ компетентное и пользующееся довѣріемъ Государя, всѣ члены совѣщанія выражали желаніе видѣть Д. Ф. Трепова на посту дворцоваго коменданта. Что касается замѣщенія поста министра внутреннихъ дѣлъ, то общественные дѣятели полагали, что, при всей важности полицейскихъ задачъ, имъ не могутъ быть принесены въ жертву задачи внутренней политики, которыя должны составлять главное содержаніе дѣятельности министерства. Существенныя возраженія противъ кандидатуры П. Н. Дурново относились не только къ политической его физіономіи, но и къ облику его моральной личности. А. И. Гучковъ и я заявили рѣшительно, что о вступленіи нашемъ въ составъ кабинета не можетъ быть и рѣчи, если П. Н. Дурново будетъ предложенъ постъ министра вн. дѣлъ».

Передъ этимъ протестомъ Витте принужденъ былъ остановиться. Но онъ отнюдь не отказался отъ своей мысли. Онъ только принялся искать обходнаго пути.

«Гр. Витте пожелалъ узнать наше намѣреніе о князѣ С. Д. Урусовѣ и сообщилъ, что онъ телеграфировалъ князю С. Д. пріѣхать въ С.-Петербургъ, такъ какъ имѣетъ въ виду предложить ему вернуться къ активному участію въ администраціи.

При этомъ гр. Витте сказалъ, что имѣлъ

ОСОБЫЙ ФОНД
Музея Революции СССР
№ 585

намѣреніе предложить кн. Урусову должность товарища министра вн. дѣлъ и спросилъ, какъ отнеслись бы мы къ кандидатурѣ князя на постъ министра вн. дѣлъ? Всѣ присутствовавшіе, какъ знавшіе князя лично, такъ и бывшіе лично съ нимъ знакомыми, признавали, что въ средѣ административныхъ лицъ имя князя С. Д. Урусова пользуется уваженіемъ и довѣріемъ въ обществѣ и находили назначеніе его министромъ внутреннихъ дѣлъ желательнымъ. Графъ Витте выражалъ опасеніе, что кн. Урусовъ встрѣтитъ затрудненія при руководствѣ полицейской дѣятельностью, т. к. онъ не знакомъ со сложной техникой охранной полиціи, и, еще разъ указавъ, какое важное значеніе въ переживаемое время имѣетъ правильное функціонированіе полицейскаго аппарата, признавалъ необходимымъ, чтобы, при министрѣ князѣ Урусовѣ, товарищемъ министра по завѣдыванію полиціей былъ П. Н. Дурново. Эта комбинація всѣми присутствующими была признана пріемлемой, послѣ чего наши совѣщанія были пріостановлены до пріѣзда князя С. Д. Урусова и вечеромъ въ тотъ-же день, т. е. 24, А. И. Гучковъ и я уѣхали въ Москву».

Итакъ, дѣло улажено. Но за двое сутокъ, которыя отдѣляютъ это свиданіе отъ слѣдующаго, гр. Витте подвергъ терпѣніе общественныхъ дѣятелей новому испытанію:

«26 утромъ А. И. Гучковъ, кн. Е. П. Трубецкой, М. А. Стаховичъ и я отправились къ гр. Витте и застали у него незадолго до насъ пріѣхавшаго князя С. Д. Урусова. Познакомивъ А. И. Гучкова и меня съ кн. Урусовымъ, гр. Витте сказалъ, что онъ уже переговорилъ съ княземъ, и что кн. Урусовъ согласенъ быть товарищемъ министра при министрѣ П. Н. Дурново. Трудно передать, насколько это сообщеніе насъ всѣхъ возмутило, явившись для насъ вполнѣ неожиданнымъ послѣ всего высказаннаго нами на предыдущихъ совѣщаніяхъ. Я спросилъ графа Витте, зачѣмъ же онъ, придя къ рѣшенію предоставить постъ министра П. Н. Дурново, просилъ меня вновь пріѣхать, имѣя мое категорическое заявленіе, что войти одновременно съ этой личностью въ составъ кабинета я для себя не считаю возможнымъ. Такое-же возраженіе было сдѣлано А. И. Гучковымъ. Князь С. Д. Урусовъ былъ нашими словами очень смущенъ и сказалъ, что ему не былъ извѣстенъ обмѣнъ мнѣній, происходившій на предыдущихъ совѣщаніяхъ, и что онъ чувствуетъ себя въ неловкомъ положеніи, согласившись быть товарищемъ министра при П. Н. Дурново, слыша теперь такое рѣзкое отрицательное къ нему отношеніе общественныхъ дѣятелей. Графъ Витте старался аргументировать свое рѣшеніе приводимыми имъ ранѣе соображеніями».

Эта послѣдняя капля переполнила чашу. Самые умѣренные изъ общественныхъ дѣятелей поняли, что ихъ третируютъ, какъ чиновниковъ.

«А. И. Гучковъ и я рѣшили настоятельно отклонить сдѣланныя намъ предложенія. Кромѣ обнаружившагося во время совѣщанія отсутствія искренности и прямоты со стороны графа Витте, а также очевидной его неспособности освободиться отъ усвоенныхъ имъ привычекъ и пріемовъ бюрократическаго строя, мы имѣли въ виду слѣдующія соображенія. Наше вступленіе въ кабинетъ могло бы имѣть значеніе въ томъ случаѣ, если бы одновременно съ нами вошли представители большинства съѣздовъ земскихъ и городскихъ дѣятелей, объединившихся въ партіи народной свободы, и если бы общественнымъ представителямъ было предоставлено въ кабинетѣ достаточное число мѣстъ, обезпечивающее ихъ вліяніе на государственное управленіе. Вступленіе-же насъ двоихъ въ кабинетъ, состоящій изъ представителей бюрократіи, чуждыхъ пониманію справедливыхъ общественныхъ запросовъ, не могло обезпечить общественнаго довѣрія и принести пользу положенію дѣла. Въ то же время манифестъ 17-го октября, призывавшій общество къ новой политической жизни, вызывалъ необходимость политической группировки общественныхъ элементовъ, и мы считали своей

обязанностью содѣйствовать объединенію лицъ, принадлежавшихъ къ меньшинству земскихъ съѣздовъ, въ политическую партію («октябристовъ»). Эти мотивы нашего отрицательнаго отвѣта на сдѣланное намъ предложеніе мы условились сообщить графу Витте, и съ этимъ рѣшеніемъ вечеромъ вновь его посѣтили».

Переговорамъ суждено было закончиться комическимъ эпилогомъ, который Д. Н. Шиповъ и сообщаетъ въ заключеніе своего разсказа о неудавшемся кабинетѣ общественныхъ дѣятелей:

«Поднимаясь по лѣстницѣ въ помѣщеніе, занимаемое графомъ Витте на Дворцовой Набережной, рядомъ съ Зимнимъ Дворцомъ, мы увидали неизвѣстную намъ личность въ вицмундирномъ фракѣ. Встрѣтивши насъ въ кабинетѣ, графъ Витте извинился, что долженъ покинуть насъ на нѣкоторое время, чтобы принять пришедшаго къ нему съ докладомъ Рачковскаго. Возвратясь въ скоромъ времени, гр. Витте имѣлъ встревоженный видъ и сказалъ намъ, что отъ кандидатуры П. Н. Дурново, можетъ быть, придется отказаться. Рачковскій сообщилъ, что въ распоряженіи многихъ редакцій имѣется различный матеріалъ изъ прошлой дѣятельности П. Н. Дурново, разоблачающій его личность, и что, въ случаѣ его назначенія, матеріалъ этотъ будетъ немедленно опубликованъ, не

исключая и извѣстной резолюціи Императора Александра III: «убрать этого м.....а въ 24 часа». А. И. Гучковъ высказалъ удивленіе, что то, чего не могли достигнуть доводы общественныхъ дѣятелей, оказывается возможнымъ изъ опасенія скандала. Гр. Витте послѣ этого замѣчанія опять сталъ говорить о необходимости назначенія П. Н. Дурново, «а относительно угрозъ редакцій, могутъ быть, — сказалъ онъ, — приняты мѣры». Я заявилъ гр. Витте, что мы, независимо отъ того, будетъ или нѣтъ П. Н. Дурново министромъ внутреннихъ дѣлъ, во всякомъ случаѣ не считаемъ въ настоящее время возможнымъ вступить въ составъ образуемаго имъ кабинета и изложилъ соображенія, побуждающія насъ къ такому рѣшенію. Графъ С. Ю., выразивъ намъ свое сожалѣніе, просилъ насъ изложить письменно мотивы нашего отказа, чтобы онъ могъ ихъ огласить».

Послѣ перерыва переговоровъ съ Шиповымъ и Гучковымъ, Витте обращался и къ другимъ общественнымъ дѣятелямъ, но уже не съ предложеніемъ портфелей, а для личнаго совѣта. Такъ, онъ обратился къ І. В. Гессену и ко мнѣ.

Я нашелъ Витте на Дворцовой набережной, въ кабинетѣ внизу. Я видѣлъ его въ первый разъ. Въ нескладно скроенной долговязой фигурѣ, въ его жестахъ и всемъ обращеніи

было что-то, располагавшее говорить съ нимъ не какъ съ простымъ бюрократомъ. Я приходилъ не въ качествѣ делегата, кѣмъ-либо уполномоченнаго, а въ качествѣ частнаго лица, совѣта котораго просилъ высшій представитель власти, въ моментъ, когда рѣшалось направленіе, которое должна принять русская исторія. И на поставленный мнѣ сразу вопросъ Витте: что дѣлать, я рѣшилъ отвѣтить по совѣсти и по личному убѣжденію, не связывая себя общепринятыми политическими формулами моихъ единомышленниковъ. Я хотѣлъ свести споръ съ академическихъ высотъ въ сферу реальной дѣйствительности.

Если-бы я выражалъ мнѣніе партіи, отвѣтилъ я Витте, то я повторилъ-бы то же, что сказалъ вамъ Кокошкинъ. Но я понимаю, что для васъ это мнѣніе не можетъ имѣть той силы, какъ для насъ, и что положеніе слишкомъ сложно, чтобы примѣнять теоретически правильные совѣты во всей чистотѣ. Несомнѣнно, что если бы мы пошли къ конституціи черезъ такія пять стадій, какъ выборы въ учредительное собраніе, совѣщанія учредительнаго собранія, утвержденіе и опубликованіе выработанной имъ конституціи, выборы въ законодательное собраніе и, наконецъ, само это законодательное собраніе, то по пути могло бы случиться столько боковыхъ толчковъ и справа, и слѣва, что я

не знаю, дошли-ли бы мы до конца. А потому, на вашемъ мѣстѣ, я выбралъ-бы кратчайшую дорогу — если бы, конечно, ваша цѣль, конституція, была бы окончательно установлена. Я не начиналъ- бы съ составленія кабинета общественныхъ дѣятелей. Общественные дѣятели, популярные въ странѣ, къ вамъ теперь не пойдутъ, потому что вамъ — и правительству вообще — никто не вѣритъ. Пріобрѣтите сперва право на довѣріе, доказавши серьезность своихъ намѣреній. Для этого составьте въ спѣшномъ порядкѣ дѣловой кабинетъ изъ приличныхъ людей, возьмите для этого товарищей министровъ...

Въ этомъ мѣстѣ разговора Витте вдругъ вскочилъ, протянулъ мнѣ свою длинную руку, и, потрясая мою, которую я подалъ ему съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ, воскликнулъ: вотъ, наконецъ, я слышу первое здравое слово. Я такъ и рѣшилъ сдѣлать.

Я продолжалъ: я не знаю тѣхъ полномочій, которыми вы располагаете. Если вѣрить слухамъ, боюсь, что они недостаточны (я говорилъ объ этомъ со словъ моего французскаго пріятеля, Поля Бойе, посѣтившаго передъ этимъ Витте и въ этомъ убѣдившагося). Но если они достаточны, произнесите слово: конституція. Опять-таки для ускоренія и для упрощенія дѣла, позовите сегодня кого-нибудь и велите перевести на русскій языкъ

бельгійскую или, еще лучше, болгарскую конституцію, завтра поднесите ее царю для подписи и послѣ завтра опубликуйте. Это будетъ конституція октроированная, и васъ будутъ бранить за такой образъ дѣйствій, но потомъ успокоятся, и все войдетъ въ норму. Нельзя говорить, что мы, русскіе, не доросли до этого, разъ я вамъ ссылаюсь на такую страну, какъ Болгарія, оттуда я недавно пріѣхалъ.

Одушевленіе Витте прошло. Онъ отвѣтилъ мнѣ просто и ясно: *я этого не могу, я не могу говорить о конституціи, потому что царь этого не хочетъ*. Я такъ же просто сказалъ ему: тогда намъ не о чемъ разговаривать, и я не могу подать вамъ никакого дѣльнаго совѣта.

ПЕРВАЯ ПОПЫТКА ПАРЛАМЕНТАРНАГО КАБИНЕТА.

I.

Второй эпизодъ изъ записокъ Д. Н. Шипова, бросаетъ новый свѣтъ на попытку переговоровъ о парламентарномъ кабинетѣ, сдѣланную незадолго до роспуска Государственной Думы. Въ этихъ переговорахъ участвовалъ и пишущій эти строки. Сравнивая мои тогдашнія наблюденія съ показаніями Шипова, я нахожу въ нихъ подтвержденіе того, что думалъ и раньше. Было два центра переговоровъ о кабинетѣ думскаго большинства. Первый былъ при дворѣ; второй — въ министерствѣ. Только первая иниціатива, принадлежавшая Трепову, была серьезна. Прямое обращеніе ко мнѣ Трепова и было началомъ переговоровъ. Наше свиданіе, о которомъ я разсказалъ подробно въ «Рѣчи», было секретное,и нѣкоторое время тайна его сохранялась. Я догадываюсь, что именно результатомъ нашей бесѣды была передача дальнѣйшихъ переговоровъ въ руки нѣсколькихъ мини-

стровъ. Изъ нихъ нѣкоторые, видимо, тоже были добросовѣстно заинтересованы въ успѣхѣ плана, который спасалъ Думу отъ роспуска, а Россію — отъ риска революціоннаго исхода. Къ такимъ я отношу А. С. Ермолова, который самъ мнѣ говорилъ, что бесѣдуетъ со мной по порученію государя, и свиданіе съ которымъ было устроено у С. А. Муромцева. Вѣроятно, искренно относился къ плану и А. П. Извольскій, присутствовавшій при моей бесѣдѣ съ П. А. Столыпинымъ и разсказавшій въ своихъ воспоминаніяхъ, какъ мы вмѣстѣ возвращались съ Аптекарскаго острова въ бѣлую петроградскую ночь. Но самого П. А. Столыпина я считаю злѣйшимъ врагомъ парламентарнаго министерства, преслѣдовавшимъ съ самаго начала цѣль — разстроить комбинацію, въ которой для него самого не находилось мѣста. И это мое впечатлѣніе находитъ себѣ полное подтвержденіе въ запискахъ Шипова.

Вотъ какъ передаетъ Шиповъ свою бесѣду съ Н. Н. Львовымъ 26 іюня 1906 г. по поводу того, что именно заставило П. А. Столыпина обратиться къ нему, Шипову.

«Все болѣе и болѣе обостряющіяся отношенія между правительствомъ и Гос. Думой и вызывающее положеніе, занимаемое послѣдней, говорилъ Н. Н. Львовъ, приводятъ П. А. Столыпина къ убѣжденію въ необходи-

мости роспуска Думы. Но, приходя къ такому заключенію, П. А. Столыпинъ оцѣниваетъ все значеніе этого опаснаго шага и признаетъ, что онъ не можетъ быть сдѣланъ настоящимъ правительствомъ съ И. Л. Горемыкинымъ во главѣ, не пользующимся надлежащимъ авторитетомъ, и полагаетъ, что роспускъ Думы долженъ быть произведенъ обновленнымъ правительствомъ, имѣющимъ во главѣ общественнаго дѣятеля, пользующагося довѣріемъ въ широкихъ кругахъ общества, и таковымъ лицомъ П. А. считаетъ меня. Государь одобрилъ предположенія П. А. Столыпина и поручилъ ему переговорить со мной».

Итакъ, идея П. А. Столыпина была создать министерство «общественнаго довѣрія» для роспуска Думы, — и эта идея была усвоена государемъ, «одобрившимъ» его предложенія. Понятно, что на такой актъ даже и умѣренные общественные дѣятели типа Д. Н. Шипова пойти не могли. Шиповъ отвѣчалъ Н. Н. Львову рѣшительнымъ отказомъ отъ какихъ-либо переговоровъ на эту тему и, «увидавъ, что многіе считаютъ возложеніе на него порученія образовать новый кабинетъ вопросомъ предрѣшеннымъ», рѣшилъ, чтобы «не давать повода для укрѣпленія такого рода слуховъ», немедленно вернуться въ Москву, откуда только-что пріѣхалъ.

Сравнительно съ позиціей Н. Н. Львова

(тогдашняго кадета), это была позиція чрезвычайно лояльная, что вполнѣ соотвѣтствовало прямотѣ характера Д. Н. Шипова. Но ему не удалось ее выдержать. На слѣдующій день его предупредили, что 28 іюня онъ будетъ принятъ государемъ. Тотчасъ-же Н. Н. Львовъ передалъ ему приглашеніе П. А. Столыпина — повидаться передъ аудіенціей. Вечеромъ этого дня свиданіе состоялось, въ присутствіи Н. Н. Львова и А. П. Извольскаго. Вотъ какъ передаетъ Д. Н. Шиповъ заявленія Столыпина.

«П. А. Столыпинъ говорилъ то, что мнѣ уже было сообщено Н. Н. Львовымъ, очень рѣзко отзывался о неработоспособности Государственной Думы, о выступленіяхъ ея отдѣльныхъ членовъ, доказывалъ необходимость ея роспуска и просилъ меня высказать мое отношеніе къ этому предположенію...

Все высказанное мною относительно роспуска Думы, вступая въ противорѣчіе съ сложившимся уже у П. А. Столыпина опредѣленнымъ мнѣніемъ, видимо производило на него непріятное впечатлѣніе и онъ перевелъ рѣчь на вопросъ объ образованіи коалиціоннаго кабинета подъ моимъ предсѣдательствомъ. Въ составъ коалиціоннаго кабинета, по его предположенію, должны были войти приглашенные мной общественные дѣятели и представители бюрократическихъ круговъ, въ лицѣ нѣкоторыхъ членовъ настоящаго кабинета,

причемъ въ числѣ послѣднихъ, кромѣ министровъ двора, военнаго и морского П. А. далъ понять, что онъ *имѣетъ въ виду себя* и А. П. Извольскаго. Я выразилъ сомнѣніе, чтобы образованный указаннымъ путемъ коалиціонный кабинетъ могъ пользоваться надлежащимъ авторитетомъ въ глазахъ народнаго представительства и создать необходимое взаимодѣйствіе между правительствомъ и Государственной Думой. Оставляя въ сторонѣ вопросъ объ участіи въ обновленномъ кабинетѣ представителей стараго государственнаго строя и того впечатлѣнія, которое это участіе можетъ оказать на Думу, я говорилъ, что не могу разсчитывать на согласіе вступить въ составъ предполагаемаго кабинета представителей руководящаго большинства Государственной Думы, а безъ ихъ участія кабинетъ не можетъ найти необходимую имъ опору въ народномъ представительствѣ. Я не могу не сознавать, что пользуюсь извѣстнымъ авторитетомъ и довѣріемъ въ земскихъ кругахъ, но за послѣднее время, при постановкѣ на очередь вопроса о преобразованіи нашего государственнаго строя, въ земской и городской средѣ намѣтились два теченія, причемъ я присоединился къ сравнительно незначительному меньшинству. Н. А. Хомяковъ про себя и про меня отчасти вѣрно говоритъ, что мы оба послѣ манифеста 17-го октября 1905 г. стали консти-

туціоналистами по высочайшему повелѣнію. Хотя въ настоящее время я, въ силу сложившихся обстоятельствъ, признаю безусловно необходимымъ возможно полное и безотлагательное проведеніе въ жизнь конституціонныхъ началъ, возвѣщенныхъ 17-го октября, и всѣми силами готовъ этому содѣйствовать, но, однако, мнѣ представляется несомнѣннымъ, что если въ образованный мною кабинетъ мнѣ удастся привлечь только своихъ единомышленниковъ, какъ напр.: графа П. А. Гейдена, князя Г. Е. Львова, то такой кабинетъ встрѣтитъ въ Государственной Думѣ такое-же отношеніе, какъ и кабинетъ И. Л. Горемыкина, причемъ этотъ новый кабинетъ, конечно, не можетъ искать поддержки въ традиціяхъ стараго строя и будетъ поставленъ въ необходимость въ самомъ скоромъ времени, при неизбѣжномъ столкновеніи съ Думой, подать въ отставку. Затѣмъ я указалъ, что при данномъ составѣ Думы во вновь образуемый кабинетъ должны быть непремѣнно привлечены представители конституціонно-демократической партіи, а для этого порученіе образованія кабинета слѣдовало-бы возложить на одного изъ лидеровъ этой партіи. А. П. Извольскій, повидимому, выслушивалъ мои заявленія сочувственно, не возражалъ на нихъ и лишь высказалъ предположеніе, что мнѣ удастся убѣдить представителей к.-д. партіи

войти въ составъ *коалиціоннаго* кабинета и, обращаясь къ П. А. Столыпину, сказалъ: «что касается нашего участія, то вопросъ этотъ мы должны предоставить вполнѣ свободному рѣшенію Дмитрія Николаевича». П. А. Столыпинъ, *сдѣлавъ видъ*, будто онъ присоединяется къ послѣднимъ словамъ А. П. Извольскаго, возражалъ на высказанное мной по существу, считалъ невозможнымъ и слишкомъ рискованнымъ образованіе кабинета изъ представителей партіи к.-д. и настаивалъ на необходимости роспуска Государственной Думы».

Политическій смыслъ разногласія Шипова со Столыпинымъ изложенъ здѣсь совершенно правильно. По существу Д. Н. Шиповъ былъ, конечно, правъ, что его политическая окраска черезчуръ умѣренна для первой Думы, что участіе въ общественномъ кабинетѣ министровъ стараго режима немыслимо и что, наоборотъ, необходимо составленіе кабинета лидерами большинства Думы. Все это было тогда ясно для всякаго. И П. А. Столыпинъ принужденъ былъ сообщить Шипову, что онъ уже имѣлъ свиданіе со мной.

«П. А. сообщилъ, что онъ приглашалъ къ себѣ П. Н. Милюкова, говорилъ съ нимъ о вѣроятной перемѣнѣ кабинета, и П. Н. Милюковъ далъ понять, что онъ не уклонится отъ порученія образовать кабинетъ, если такое

предложеніе ему было-бы сдѣлано. Въ заключеніе П. А. Столыпинъ сказалъ, что вопросъ объ образованіи новаго кабинета можетъ быть разрѣшенъ только Государемъ, и что мои соображенія по этому вопросу я буду имѣть возможность представить Его Величеству, такъ какъ имѣется предположеніе назначить мнѣ завтра аудіенцію въ Петергофѣ»

Видимо П. А. Столыпинъ не сообщилъ Шипову подробностей о нашей бесѣдѣ. Иначе, послѣдній понялъ-бы, почему П. А. Столыпинъ такъ рѣшительно настаивалъ на роспускѣ Государственной Думы, какъ на единственномъ исходѣ. Съ первыхъ-же словъ бесѣды Столыпина со мной я понялъ, что онъ говоритъ со мной не для того, чтобы выяснить вопросъ по существу, а только для того, чтобы формально исполнить данное ему порученіе и при этомъ найти мотивы для подкрѣпленія собственнаго отрицательнаго мнѣнія о кадетскомъ министерствѣ. Его отрицательное отношеніе къ предмету нашей бесѣды стало особенно ясно съ той минуты, когда я, подобно Шипову, далъ понять ему, что объ его личномъ участіи въ общественномъ министерствѣ не можетъ, быть и рѣчи. Онъ полу-иронически объяснялъ мнѣ, что вѣдь министръ внутренныхъ дѣлъ есть въ то-же время шефъ жандармовъ, выполняющій непривычныя для интеллигенціи функціи. Вѣроятно, онъ былъ искренно удив-

ленъ (и въ «Новомъ Времени» долго сохранялись слѣды этого удивленія), когда я отвѣтилъ что элементарныя функціи государственной власти извѣстны моимъ единомышленникамъ. Очень вскользь и поверхностно онъ разспросилъ затѣмъ о разныхъ пунктахъ нашей политической платформы. (Треповъ разспрашивалъ объ этомъ очень подробно, стараясь вникнуть въ детали и записывая все въ своей записной книжкѣ). Впослѣдствіи официально было сообщено въ «Новомъ Времени», что на основаніи бесѣды со мной П. А. Столыпинъ сдѣлалъ докладъ государю въ томъ смыслѣ, что принятіе моихъ предложеній «грозитъ гибелью Россіи». А. П. Извольскій молчалъ во все время бесѣды, но на возвратномъ пути выражалъ мнѣ сочувствіе и прибавлялъ, что ему, какъ человѣку, знающему Европу, понятно многое, что непонятно Столыпину. Вмѣстѣ со мной онъ сокрушался о томъ, что русская власть всегда начинаетъ понимать положеніе слишкомъ поздно...

При такомъ характерѣ нашей бесѣды со Столыпинымъ, очевидно, она не могла окончиться заявленіемъ съ моей стороны, что я «не уклонюсь» отъ составленія кабинета. Было ясно, что до порученія составить кабинетъ еще очень далеко.

II.

До аудіенціи у государя Шиповъ рѣшилъ провѣрить черезъ графа П. А. Гейдена мое отношеніе къ идеѣ коалиціоннаго кабинета.

«На слѣдующій день, считая своимъ долгомъ передъ поѣздкой въ Петергофъ выяснить опредѣленно отношеніе представителей к.-д. партіи къ мысли о возможности образованія коалиціоннаго кабинета, я просилъ графа П. А.Гейдена повидаться съ П. Н. Милюковымъ, такъ какъ я лично былъ мало съ нимъ знакомъ, а самъ въ этотъ-же день имѣлъ продолжительную бесѣду съ С. А. Муромцевымъ. Графъ Гейденъ, какъ между нами было условлено, при свиданіи съ П. Н. Милюковымъ не говорилъ объ обращеніи ко мнѣ П. А. Столыпина и о предстоявшей мнѣ аудіенціи, а спросилъ его, какъ относится онъ и политическая группа, къ которой онъ принадлежитъ, къ слухамъ и предположеніямъ объ образованіи коалиціоннаго кабинета подъ моимъ предсѣдательствомъ и согласился-ли бы онъ принять участіе въ такомъ кабинетѣ. П. Н. отвѣтилъ категорически, что онъ, стоя строго на почвѣ принципа парламентаризма, находитъ такую комбинацію безусловно непріемлемой что, по его убѣжденіямъ, новый кабинетъ долженъ быть образованъ исключительно изъ лицъ, принадлежащихъ къ руководящему большин-

ству Государственной Думы, и далъ понять, что считаетъ въ этомъ смыслѣ вопросъ уже въ сферахъ предрѣшеннымъ, и готовъ принять на себя составленіе кабинета, какъ только такое порученіе будетъ ему сдѣлано».

Дѣйствительно, графъ Гейденъ велъ со мной разговоръ на указанныя темы въ кулуарахъ Государственной Думы. Онъ почему-то такъ былъ увѣренъ въ возможности созданія общественнаго кабинета, что даже рекомендовалъ мнѣ кандидатовъ въ министры, — притомъ, какъ разъ на одинъ изъ тѣхъ портфелей (двора, военнаго, морского), которые самъ считалъ забронированными отъ Думы. Я, дѣйствительно, отвѣчалъ на его вопросы въ духѣ мнѣнія моей группы (вопросъ о коаліціи дебатировался во фракціи и обсуждался мною въ передовицахъ «Рѣчи», см. «Годъ борьбы»). Но, понятно, я никакъ не могъ сказать, что «считаю вопросъ въ сферахъ предрѣшеннымъ». Вѣроятно, я намекалъ-лишь, что мое мнѣніе по этому поводу извѣстно въ сферахъ (подразумѣвая мой разговоръ съ Треповымъ)-

Въ тотъ-же день (28 іюня), все еще передъ аудіенціей, Шиповъ видѣлся съ С. А. Муромцевымъ, котораго старался расположить въ пользу коалиціоннаго кабинета. «Главнымъ, если не исключительнымъ препятствіемъ» для коаліціи, по мнѣнію Шипова, «являлось

несогласіе на эту комбинацію руководителей к.-д. партіи».

«Исходя изъ этого убѣжденія, говоритъ Д. Н. Шиповъ, я приложилъ всѣ возможныя старанія, чтобы повліять на С. А. Муромцева и заручиться его содѣйствіемъ. Я обращалъ его вниманіе на то, что сформированіе коалиціоннаго министерства, повидимому, отвѣчаетъ намѣренію Государя и будетъ встрѣчено сочувственно въ вліятельныхъ сферахъ, нынѣ отрицательно относящихся къ народному представительству, что такой составъ кабинета можетъ объединить въ странѣ всѣ общественные прогрессивные круги, и освободить к.-д. отъ союза съ крайними, не государственными элементами. Участіе въ кабинетѣ бюрократическаго элемента и въ частности П. А. Столыпина должно, конечно, быть исключено. Главенство въ кабинетѣ должно быть предоставлено непремѣнно кому-либо изъ представителей к.-д. партіи и, конечно, самымъ авторитетнымъ и желательнымъ предсѣдателемъ, по глубокому моему убѣжденію, является самъ С. А. Муромцевъ и его предсѣдательство обезпечивало-бы кабинету необходимое ему довѣріе Государственной Думы. Я просилъ С. А-ча переговорить съ П. Н. Милюковымъ и другими вліятельными лицами партіи и постараться убѣдить ихъ въ цѣлесообразности и необходимости принятія предлагаемой комбинаціи. Однако, всѣ мои убѣжденія и просьбы оказа-

лись напрасными, и С. А. отказался содѣйствовать образованію коалиціоннаго кабинета. Онъ соглашался съ правильностью моихъ соображеній по существу, но не считалъ возможнымъ повліять на измѣненіе уже вполнѣ и окончательно сложившагося среди к.-д. отношенія къ данному вопросу и говорилъ, что П. Н. Милюковъ уже чувствуетъ себя премьеромъ. Къ своему личному участію въ кабинетѣ въ качествѣ премьера и министра юстиціи онъ отнесся совершенно отрицательно. По мнѣнію С. А-ча, въ виду господствующаго въ странѣ возбужденнаго настроенія въ широкихъ кругахъ населенія и воспитаннаго въ обществѣ политикой правительства вообще отрицательнаго отношенія къ государственной власти, никакой составъ вновь образованнаго министерства при переживаемыхъ условіяхъ не можетъ расчитывать въ ближайшемъ времени на спокойную и продуктивную государственную дѣятельность, и не сможетъ ссхранить свое положеніе болѣе или менѣе продолжительное время. Неизбѣжны революціонныя вспышки, противъ которыхъ правительство будетъ поставлено въ необходимость принимать строгія репресивныя мѣры а это вызоветъ несомнѣнно недовольство въ общественныхъ кругахъ и лишитъ власть необходимой ей поддержки со стороны общества. Въ то-же время С. А. былъ согласенъ со мной относи-

тельно условій, исключающихъ возможность образованія кабинета подъ моимъ предсѣдательствомъ, т. е. предрѣшенное отрицательное отношеніе к.-д. партіи къ участію ея членовъ въ коалиціонномъ кабинетѣ и неизбѣжный въ ближайшемъ-же времени конфликтъ его съ Государственной Думой».

Для правильнаго пониманія этой бесѣды, надо имѣть въ виду то положеніе, которое С. А. Муромцевъ занималъ въ партіи к.-д. Классическій предсѣдатель Государственной Думы, выдвинутый партіей на эту роль, наиболѣе отвѣчавшую его личнымъ свойствамъ, С. А. не принадлежалъ, однако, къ числу идейныхъ руководителей партіи. Особенно со времени занятія поста предсѣдателя, онъ оставался внѣ русла текущей работы фракціи. и уже поэтому не могъ вліять на ея рѣшенія. Онъ, вѣроятно, и самъ чувствовалъ, что весь строй его мысли не совсѣмъ подходитъ къ настроенію партіи, и это заставляло его, при обсужденіи текущихъ политическихъ задачъ, уклоняться отъ высказыванія своего отношенія къ нимъ по существу и ограничиваться чисто-формальными моментами. Такой характеръ носитъ и его бесѣда съ Д. Н. Шиповымъ.

Отрицательный отвѣтъ на предложеніе о премьерствѣ мотированъ въ этой бесѣдѣ двумя соображеніями: 1) нельзя измѣнить сложившагося отношенія к.-д. и 2) невозможно удер-

жаться при революціонномъ настроеніи страны. Послѣднее соображеніе было обще намъ всѣмъ, но при тогдашнемъ жертвенномъ настроеніи никто изъ насъ передъ этимъ не останавливался. Кадетское министерство, во всякомъ случаѣ, было той первой зарубкой, на которой революціонный процессъ могъ задержаться, — если не прибѣгать къ другой альтернативѣ, безсиліе которой показала исторія, — къ столыпинскимъ «галстухамъ». Первое соображеніе Муромцева было неправильно въ той части, въ которой касалось меня лично. Ни разу втеченіе переговоровъ мое имя не было названо, какъ имя будущаго премьера, и фракція по этому поводу не имѣла случая высказаться. Такъ какъ переговоры оборвались на предварительной стадіи, я не докладывалъ фракціи подробностей, и совмѣстно были лишь обсуждены условія вступленія к.-д. въ министерство: тѣ самыя, которыя я излагалъ Трепову и Столыпину. Даже на эти двѣ встрѣчи я не получалъ предварительныхъ полномочій отъ фракціи и согласился на нихъ за свой страхъ. Послѣ бесѣды со Столыпинымъ я окончательно убѣдился, что обращеніе къ намъ несерьезно и уже поэтому никакъ не могъ «чувствовать себя премьеромъ». Впрочемъ С. А. Муромцевъ, —какъ я теперь вижу, въ связи съ бесѣдой съ Шиповымъ, — самъ имѣлъ случай провѣрить свои слова обо мнѣ.

Онъ вызвалъ меня къ себѣ въ кабинетъ предсѣдателя Думы и, послѣ нѣкоторыхъ преліминарій, прямо въ упоръ поставилъ мнѣ вопросъ: «кто изъ насъ двухъ будетъ премьеромъ»? Признаться, вопросъ этотъ привелъ меня въ веселое настроеніе. Я былъ уже тогда убѣжденъ, что ни я, ни онъ и никто другой изъ к.-д. премьеромъ не будетъ, ибо дѣло шло, очевидно, къ роспуску Думы. Я такъ и отвѣтилъ Муромцеву, но прибавилъ при этомъ, что своей кандидатуры я не ставилъ, охотно буду поддерживать его кандидатуру и вообще изъ-за лицъ между нами не можетъ быть никакихъ споровъ. Мой отвѣтъ видимо произвелъ на С. А. самое пріятное впечатлѣніе.

Болѣе правъ былъ С. А. Муромцевъ въ общемъ смыслѣ своего перваго возраженія. Не то, что мнѣніе к.-д. было уже составлено. Какъ я сказалъ, сужденій о лицахъ во фракціи вообще не было. Но при богатствѣ фракціи выдающимися общественными дѣятелями, таланты, знанія и репутаціи которыхъ были общепризнаны, вообще нельзя было предрѣшить мнѣнія фракціи о той или другой кандидатурѣ. При полной моей готовности поддерживать кандидатуру Муромцева, — а она, очевидно, имѣла много за себя, если-бы вопросъ о кадетскомъ министерствѣ былъ рѣшенъ дворомъ въ утвердительномъ смыслѣ, — могло случиться то-же, что случилось съ другой попыт-

кой Д. Н. Шипова — послать С. А. Муромцева для переговоровъ съ графомъ Витте въ октябрѣ 1905 года. Я уже упоминалъ выше, что тогда не случайно были посланы въ Петербургъ кн. Г. Е. Львовъ и Ф. Ф. Кокошкинъ, а не С. А. Муромцевъ. Ибо тѣ-же свойства, которыя дѣлали кандидатуру С. А. Муромцева болѣе пріемлемой для Шипова — и для двора, — дѣлали ее, въ извѣстные моменты, менѣе желательной для партіи.

Вообще, партія (и фракція) была тогда настроена такъ непримиримо, что даже моя позиція, казавшаяся Шипову такой несговорчивой, во фракціи представлялась многимъ черезчуръ далеко идущей на уступки. Позднѣе, уже во время второй Думы, партія запретила мнѣ дать Столыпину тѣ завѣренія, которыхъ онъ требовалъ для легализаціи партіи и которыя лично мнѣ казались пріемлемыми. Я думаю, во время первой Думы, мнѣ могли-бы запретить и самыя свиданія для переговоровъ о министерствѣ, если-бы я поставилъ этотъ вопросъ формально на рѣшеніе фракціи.

III.

Въ бесѣдѣ съ государемъ 28 іюня въ Петергофѣ Д. Н. Шиповъ принялъ несомнѣнно, достойный и лояльный по отношенію къ Думѣ тонъ. Онъ выяснилъ царю многое, что

могло бы еще предупредить кризисъ русскаго конституціонализма, если бы вообще этого рода соображенія могли быть приняты во вниманіе. Но его собственные взгляды еще разъ показываютъ, насколько онъ былъ правъ, когда утверждалъ, что человѣкъ съ такими взглядами не можетъ быть конституціоннымъ премьеромъ при первой Государственной Думѣ.

«Коснувшись причинъ, вызывающихъ мысль о роспускѣ Думы, я признавалъ, что присутствіе въ Думѣ значительнаго лѣваго крыла отражается вредно на ея настроеніи, получившемъ свое выраженіе, какъ въ рѣзкомъ выступленіи отдѣльныхъ ея членовъ, такъ и особенно въ неумѣстномъ тонѣ представленнаго Думою адреса. Однако, едва ли можно признать Думу въ общемъ ея составѣ неработоспособной и притомъ нельзя не принять во вниманіе нѣкоторыя условія, не зависящія отъ самой Думы, но крайне неблагопріятно на нее повліявшія».

Въ частности, «правительство ничѣмъ не проявило признанія, что съ открытіемъ Гос. Думы вступаетъ въ силу новый государственный порядокъ, не проявило желанія установить нормальныя отношенія между административной властью и народнымъ представительствомъ, а продолжаетъ держаться прежнихъ традицій, которыя получили особенно

опредѣленное выраженіе въ правительственной деклараціи 13-го мая и въ правительственномъ сообщеніи 20-го іюня по аграрному вопросу. Всѣ эти условія не могли не создать крайне ненормальное положеніе, которое, однако, можетъ быть исправлено, если правительство измѣнитъ свою тактику и сочтетъ своей непреложной обязанностью вступить опредѣленно на новый путь, начертанный въ манифестѣ 17-го октября.»

На вопросъ, почему Д. Н. Шиповъ противъ сформированія коалиціоннаго кабинета, онъ отвѣтилъ, что, «къ сожалѣнію, сейчасъ мысль о такомъ коалиціонномъ кабинетѣ встрѣчаетъ отрицательное къ себѣ отношеніе со стороны наиболѣе многочисленной и вліятельной партіи конституціоналистовъ-демократовъ. Я доложилъ Его Величеству о переговорахъ по этому вопросу съ С. А. Муромцевымъ и П. Н. Милюковымъ и сообщилъ ихъ отзывы, исключающіе возможность предположенія, чтобы кто-либо изъ вліятельныхъ членовъ этой политической группы согласился войти въ составъ коалиціоннаго кабинета, а безъ участія въ немъ представителей руководящаго большинства Гос. Думы такой кабинетъ встрѣтитъ, несомнѣнно, отрицательное къ себѣ отношеніе Думы и не сможетъ сколько-нибудь продолжительное время оставаться у власти. Поло-

женіе, занятое по отношенію къ этому вопросу к.-д. партіей, повидимому, особенно укрѣпилось послѣ переговоровъ П. А. Столыпина съ П. Н. Милюковымъ. Въ настоящее время и при сложившихся условіяхъ возможно образованіе кабинета только изъ представителей большинства Гос. Думы. Оппозиціонный духъ, который въ настоящее время ярко проявляется среди кадетской партіи, не можетъ внушать серьезныхъ опасеній. Такой характеръ ея въ значительной мѣрѣ обусловливается занимаемымъ ею положеніемъ безотвѣтственной оппозиціи. Но если представители партіи будутъ привлечены къ осуществленію правительственной власти и примутъ на себя тяжелую отвѣтственность, съ ней сопряженную, то нынѣшняя окраска партіи, несомнѣнно, измѣнится и представители ея, вошедшіе въ составъ кабинета, сочтутъ своимъ долгомъ значительно ограничить требованія партійной программы при проведеніи ихъ въ жизнь и уплатятъ по своимъ векселямъ, выданнымъ на предвыборныхъ собраніяхъ, не полностью, а по 20 или 10 коп. за рубль».

Государь естественно, заинтересовался этой идеей объ объявленіи политическаго банкротства. На вопросъ, какъ Шиповъ представляетъ себѣ эту уплату по гривеннику за рубль, послѣдній развилъ проэктъ полити-

ческаго компромисса, который оставлялъ далеко позади все, о чемъ я говорилъ съ Треповымъ и Столыпинымъ.

«Вопросъ объ отмѣнѣ смертной казни, отвѣчалъ я, уже разсмотрѣнъ Гос. Думой; соотвѣтствующій законопроэктъ ею составленъ, поступилъ въ Гос. Сов. и, въ случаѣ согласія съ нимъ Сов., будетъ представленъ на благовоззрѣніе Вашего Величества. По второму вопросу (о политической амнистіи) я полагалъ, что к.-д. удовлетворятся предоставленіемъ политической амнистіи всѣмъ тѣмъ, которые въ стремленіи къ скорѣйшему достиженію свободы нарушили грани, поставленныя закономъ, но при этомъ не посягали на чужія жизнь и имущество. Что касается аграрнаго вопроса, то я высказывалъ предположеніе, что к.-д. прежде всего исправятъ ошибку положенія 19 февраля 1861 г. и обезпечатъ за счетъ государства дополнительными надѣлами всѣхъ крестьянъ, получившихъ дарственные надѣлы, и затѣмъ организуютъ возможно широкое содѣйствіе крестьянству со стороны государства въ покупкѣ частно-владѣльческихъ земель, прибѣгая къ принудительному ихъ отчужденію лишь въ исключительныхъ, безусловно необходимыхъ случаяхъ. Вопросъ объ уравненіи предъ закономъ всѣхъ гражданъ независимо отъ ихъ вѣроисповѣданія и національности, ска-

залъ я, уже предрѣшенъ Вашимъ Величествомъ по докладу графа Витте, сопровождавшему манифестъ 17-го октября. Наконецъ, вопросъ объ автономіи Царства Польскаго, вѣроятно, можетъ быть разрѣшенъ путемъ предоставленія его населенію широкаго мѣстнаго самоуправленія и широкихъ правъ національной польской культурѣ».

Несомнѣнно, Шиповъ былъ правъ въ томъ, что к.-д. у власти оказались бы вовсе не такими разрушителями и революціонерами, какими представлялъ ихъ Столыпинъ и всѣ, кому это было нужно.

Несомнѣнно, что въ порядкѣ практическаго осуществленія программы были бы введены всѣ поправки и дополненія, диктовавшіяся государственными соображеніями. Но, конечно, к.-д. не могли бы отказать въ амнистіи террористамъ (это былъ основной пунктъ расхожденія, *даже* болѣе серьезный, чѣмъ аграрная реформа), не могли бы и свести аграрной реформы къ рамкамъ, пріемлемымъ для Н. Н. Львова и другихъ защитниковъ интересовъ помѣстнаго класса. Они бы не могли урѣзать и польской автономіи. Съ другой стороны, едва-ли бы царь далъ санкцію отмѣны смертной казни; опытъ послѣднихъ Думъ показалъ, что онъ не далъ санкціи и думскому закону о вѣротерпимости. Между правящимъ классомъ, съ одной сто-

роны, и демократической Россіей, съ другой, тогда уже стояла та непроходимая грань, разрушить которую съ трудомъ удается даже теперь затянувшемуся (именно по этой причинѣ) насильственному перевороту. Что же могло тутъ сдѣлать министерство С. А. Муромцева? Самъ Муромцевъ, отказываясь отъ своей кандидатуры въ разговорѣ съ Шиповымъ, очень хорошо и глубоко опредѣлилъ эту трагическую подкладку готовившагося переворота.

Мысль Д. Н. Шипова развивалась по другому пути. Польщенный внимательнымъ отношеніемъ государя, онъ продолжалъ развивать ему самыя оптимистическія перспективы приглашенія к.-д. къ власти:

«Если представители к.-д. партіи были бы призваны къ власти, то весьма вѣроятно, что въ ближайшемъ времени они признали бы необходимымъ распустить Гос. Думу (т. е. исполнили бы планъ Столыпина!) и произвести новые выборы, съ цѣлью освободиться отъ многочисленнаго лѣваго крыла и создать палату изъ сплоченныхъ прогрессивныхъ элементовъ страны (Шиповъ не говоритъ, какими средствами они могли бы это сдѣлать). Государь, какъ мнѣ казалось, былъ удовлетворенъ представленными мной поясненіями и спросилъ, кто изъ членовъ конституціонно-демократической партіи пользуется

въ ней большимъ авторитетомъ и болѣе способенъ къ руководящей роли»? (очевидно, въ указанномъ Шиповымъ направленіи).

Въ своихъ тогдашнихъ статьяхъ въ «Рѣчи» я не разъ протестовалъ противъ такой постановки, которая весь вопросъ сводила къ вопросу о лицахъ. Вмѣсто того, чтобы обсуждать, кто пріемлемъ и кто непріемлемъ, я настойчиво предлагалъ говорить о томъ, ч т о пріемлемо и что непріемлемо въ программѣ. Къ сожалѣнію, вопросъ все-таки продолжалъ рѣшаться справками о лицахъ. Изъ воспоминаній Д. Н. Шипова я вижу, что такъ сталъ вопросъ и въ бесѣдѣ его съ государемъ. Повторяя то, что въ то время было общепринятымъ мнѣніемъ обо мнѣ лично, Шиповъ ставилъ альтернативу: Милюковъ или Муромцевъ. А въ мысли у Николая II-го вѣроятно, уже стояло почти сложившееся рѣшеніе: ни тотъ, ни другой.

«Отвѣчая на этотъ вопросъ, Шиповъ высказалъ слѣдующія мысли. Самымъ вліятельнымъ членомъ к.-д. партіи, безспорно, нужно признать П. Н. Милюкова и, хотя онъ не состоитъ членомъ Гос. Думы, тѣмъ не менѣе, онъ является дѣйствительнымъ лидеромъ к.-д. фракціи. Отдавая должную дань его способностямъ, его талантамъ и его научной эрудиціи, мнѣ въ тоже время думается, что онъ по своему жизнепониманію преимущественно ра-

ціоналистъ, историкъ-позитивистъ, но въ немъ слабо развито религіозное сознаніе, т. е. сознаніе лежащаго на человѣкѣ нравственнаго долга, какъ предъ Высшимъ Началомъ, такъ и предъ людьми. Въ виду этого, я думаю, если П. Н. Милюковъ былъ бы поставленъ во главѣ правительства, то едва ли онъ всегда въ основу своей дѣятельности полагалъ бы требованія нравственнаго долга и едва ли его политика могла бы содѣйствовать столь необходимому духовному подъему въ населеніи страны. Въ то же время П. Н. Милюковъ человѣкъ очень властный; онъ слишкомъ самодержавенъ («Это слово вырвалось у меня случайно, необдуманно, о чемъ я очень сожалѣю», — оговаривается въ примѣчаніи Д. Н. Шиповъ) и если онъ будетъ поставленъ во главѣ министерства, то можно опасаться, что онъ будетъ подавлять своихъ товарищей, а это можетъ неблагопріятно отозваться на ихъ самостоятельности. Присутствіе П. Н. Милюкова въ кабинетѣ на посту министра иностранныхъ дѣлъ будетъ очень полезно и даже необходимо, если въ составъ кабинета будутъ призваны вообще представители к.-д. партіи, но на посту предсѣдателя желательно было бы видѣть С. А. Муромцева, человѣка высоко моральнаго настроенія. Въ это время Государь сказалъ: «Я вынесъ самое хорошее впечатлѣніе отъ знаком-

ства съ С. А. Муромцевымъ и отношусь къ нему съ полнымъ уваженіемъ». С. А. Муромцевъ, какъ предсѣдатель Г. Думы, продолжалъ я, пользуется общепризнаннымъ авторитетомъ и его появленіе на посту главы кабинета будетъ привѣтствовано въ широкихъ кругахъ общества, не только въ средѣ к.-д. партіи. Обладая сильною волею, С. А. въ то же время отличается большимъ тактомъ и мягкостью характера. Будучи предсѣдателемъ кабинета, онъ сумѣетъ обезпечить всѣмъ его членамъ необходимую самостоятельность и при его главенствѣ участіе въ кабинетѣ П. Н. Милюкова будетъ особо полезно. На это Государь сказалъ: «Да, такимъ образомъ, можетъ установиться правильное соотношеніе умственныхъ и духовныхъ силъ».

Едва ли можно въ послѣдней гладкой фразѣ видѣть выраженіе подлинной мысли Николая II. Одному изъ придворныхъ, послѣ одной изъ бесѣдъ съ Шиповымъ (не этой ли?) царь сказалъ: «вотъ, говорятъ, Шиповъ — умный человѣкъ, а я у него выспросилъ все, что хотѣлъ, ничего ему не сказавши».

Конечно, не этотъ фальшивый аккордъ характеризуетъ политическій смыслъ бесѣды Шипова съ государемъ. И если Д. Н. вернулся въ Петербургъ «въ бодромъ настроеніи», то это свидѣтельствуетъ лишь о лояльности роялиста, а не о проницательности политика.

IV.

Чтобы быть, однако, справедливымъ къ Д. Н. Шипову, необходимо упомянуть и о другой части бесѣды, въ которой прогляну-ло истинное лицо власти и ея ближайшихъ намѣреній. Шипова спрашивали не только о кадетскомъ кабинетѣ, но и о другой сторо-нѣ дилеммы, — о роспускѣ Думы. И отвѣчая на этотъ вопросъ, онъ нечаянно задѣлъ нѣ-сколько чувствительныхъ струнъ, которыя прозвучали очень отчетливо.

«Прежде всего, сказалъ я, я не вижу опре-дѣленнаго конституціоннаго повода для та-кого акта. Если между Государственной Ду-мой и правительствомъ возникло бы принци-піальное разногласіе на почвѣ какого-либо существеннаго законопроэкта, тогда роспускъ Думы явился бы какъ бы аппеляціей къ стра-нѣ, которая путемъ новыхъ выборовъ долж-на была бы высказаться по данному спорно-му вопросу, но до сихъ поръ такое разногла-сіе не имѣло мѣста. Ненормальныя отноше-нія между Думой и правительствомъ про-являются, главнымъ образомъ, на почвѣ со-вершенно различнаго пониманія высочайша-го манифеста 17-го прошлаго октября. Дума, а съ ней и вся страна понимаютъ этотъ актъ, какъ несомнѣнный переходъ къ новому кон-ституціонному государственному строю, а

правительство совершенно иначе оцѣниваетъ значеніе этого акта и держится традицій и пріемовъ прежняго времени. При такомъ условіи роспускъ Думы и назначеніе новыхъ выборовъ поставитъ передъ избирателями вопросъ: желаетъ-ли страна осуществленія правъ, дарованныхъ ей Вашимъ Величествомъ манифестомъ 17-го октября, или желаетъ она вернуться къ старому строю? Послѣ этихъ словъ Государь остановилъ меня и сказалъ: «объ этомъ не можетъ быть рѣчи», и мнѣ показалось, что въ голосѣ Государя звучало недовольство допущеннымъ мной предположеніемъ. Въ такомъ случаѣ, продолжалъ я, какъ можетъ страна понять роспускъ Думы и отнестись къ новымъ выборамъ? Кромѣ этихъ соображеній принципіальнаго характера, я остановился на практической сторонѣ вопроса, на разсмотрѣніи вѣроятныхъ результатовъ новыхъ выборовъ. Если первые выборы, говорилъ я, при дѣйствующемъ избирательномъ законѣ дали очень лѣвый составъ Думы, то вторичные выборы, произведенные послѣ роспуска Думы, при указанныхъ условіяхъ и на основѣ того же положенія о выборахъ, дадутъ, несомнѣнно, составъ Думы гораздо болѣе лѣвый, и тѣмъ еще болѣе будетъ затруднено созданіе столь необходимаго взаимодѣйствія между правительствомъ и народнымъ представительствомъ.

«Впрочемъ, добавилъ я, можетъ быть, Ваше Величество, имѣете въ виду одновременно съ роспускомъ Думы произвести нѣкоторое измѣненіе въ положеніи о выборахъ?» «Объ этомъ также не можетъ быть рѣчи», — сказалъ Государь, и мнѣ вновь послышалось его недовольство».

Это были единственныя мѣста разговора, въ которыхъ царь нѣсколько приподнялъ маску непроницаемости. Шиповъ слишкомъ близко подошелъ къ его дѣйствительной мысли. И недовольство было понятно. Это былъ языкъ, котораго или не понимали, или не хотѣли слышать въ Петергофѣ. Шиповъ слишкомъ приблизился къ secreta secretorum этой власти. Онъ лучше угадалъ ея истинныя намѣренія, чѣмъ полагалось для «ограниченнаго разума подданнаго».

Что касается «принципіальнаго разногласія», которое могло повести къ роспуску, Шиповъ, очевидно, не зналъ, что оно предусматривалось даже не въ области конституціонныхъ правъ Гос. Думы, а въ области соціальнаго (именно аграрнаго) вопроса. Для составленія министерства роспуска Гос. Думы не было вовсе надобности обращаться къ Д. Н. Шипову. Изъ воспоминаній гр.Витте мы знаемъ, что такимъ министерствомъ роспуска, намѣченнымъ до открытія Думы, уже было именно министерство Горемыкина.

А на измѣненіи правительственнаго закона тогда уже энергически настаивало правящее сословіе. Только разсчетъ *сдѣлать* выборы въ пользу правительства путемъ предвыборныхъ пріемовъ, остановилъ временно правительство передъ открытымъ нарушеніемъ основныхъ законовъ. Но, какъ только предсказаніе Шипова о «болѣе лѣвой» второй Думѣ осуществилось, само собой сталъ тотъ вопросъ, о которомъ «не могло быть и рѣчи»: сокращеніе избирательныхъ правъ до тѣхъ предѣловъ, которые обезпечивали помѣстному сословію преобладаніе въ органахъ мѣстнаго самоуправленія.

Все это, конечно, выснилось вполнѣ гораздо позже, — тогда, когда завершился весь циклъ событій, на которыя я намекаю. Пока событія происходятъ, естественно ихъ непосредственнымъ участникамъ питать надежды — или иллюзіи, — что они могли бы повліять на ихъ ходъ. Я уже сказалъ, что и въ то время я не раздѣлялъ надеждъ многихъ изъ окружающихъ. Но пока борьба шла, нельзя было считать себя побѣжденнымъ. И я понимаю Шипова, когда онъ утверждалъ, что «благопріятное отношеніе» къ его докладу продолжалось до 5-го іюля (роспускъ Думы былъ 9-го). До этого дня, по словамъ Шипова, и онъ, и А. П. Извольскій были убѣждены, что С. А. Муромцевъ будетъ приглашенъ въ

Петергофъ. И, очевидно, къ этой стадіи безплоднаго ожиданія относилась извѣстная фраза Муромцева, что онъ «призыванъ не былъ».

Когда Шиповъ разсказалъ Муромцеву о томъ, какъ онъ поставилъ передъ царемъ его кандидатуру, Муромцевъ, по его словамъ, взволновался. «Какое право имѣешь ты касаться вопроса, который долженъ быть рѣшенъ самой политической партіей»? Смыслъ этого вопроса ясенъ изъ сказаннаго раньше.

Д.Н. Шиповъ разсказываетъ, что послѣ долгой бесѣды, онъ «пришелъ къ заключенію, что С. А. Муромцевъ видитъ главное для себя затрудненіе въ образованіи кабинета при признаваемомъ имъ самимъ необходимомъ участіи въ кабинетѣ П. Н. Милюкова. С. А. выразилъ опасенія относительно совмѣстнаго съ П. Н. Милюковымъ участія въ кабинетѣ и, между прочимъ, сказалъ: «двумъ медвѣдямъ въ одной берлогѣ ужиться трудно», на что я замѣтилъ, что «вы — два медвѣдя изъ одной прежней берлоги, и я не сомнѣваюсь, что уживетесь и въ новой».

Долженъ признаться, что слова эти являются для меня нѣсколько неожиданными. Если бы они были сказаны до разсказанной выше бесѣды Муромцева со мной на тему, кто изъ насъ будетъ премьеромъ, то ихъ можно было бы понять въ смыслѣ опасенія, не придется ли С. А. уступить мнѣ первое мѣсто.

Но по тону разговора съ Шиповымъ, мнѣ кажется, что вопросъ о премьерствѣ уже не волновалъ Муромцева, т. е., что разговоръ шелъ уже послѣ нашей бесѣды. Если такъ, то опасенія С. А. касаются моего участія уже въ качествѣ простого члена кабинета. Въ такомъ случаѣ, эти опасенія могутъ относиться или къ моей личности, или къ моимъ взглядамъ. О первомъ не мнѣ судить. Не могу отрицать, однако, что ходячее тогда мнѣніе о моей «самодержавности» могло повліять и на Муромцева, вообще мало меня знавшаго.

Вѣроятнѣе, мнѣ кажется, другое. Здѣсь сказалось, хотя и неоткровенно высказанное пониманіе Муромцевымъ разницы въ тѣхъ предѣлахъ компромисса, на которые могъ бы пойти онъ, принимая на себя роль, подготовленную для него Шиповымъ, — и передъ которыми мнѣ пришлось бы остановиться. При дѣйствительной попыткѣ осуществить кадетское министерство, въ этомъ, конечно, была бы главная трудность. Тотчасъ вскрылась бы разница между условіями, предлагавшимися мной Трепову и Столыпину, и тѣми, которыя Шиповъ предположительно излагалъ въ своей бесѣдѣ съ царемъ. Фракція и большинство Думы, едва ли пошли бы въ вопросѣ о программѣ кабинета за Шиповымъ и Муромцевымъ. И даже въ случаѣ,

если бы С. А. былъ «призванъ», Столыпинъ могъ бы (я думаю, долженъ бы былъ) восторжествовать нѣсколькими днями позже.

Такъ, какъ стояло дѣло, — не понадобилось даже и выясненія этого вопроса, оставшагося въ туманѣ. Для Столыпина даже смягченная постановка вопроса Шиповымъ была непріемлема. Это ярко отразилось въ бесѣдѣ, которую велъ Шиповъ со Столыпинымъ послѣ своей аудіенціи. Нетерпѣливо выслушивая разсказъ Шипова, Столыпинъ, видимо, съ трудомъ скрывалъ свое раздраженіе. Онъ принужденъ былъ признать, что, «повидимому», объясненія Шипова «произвели благопріятное впечатлѣніе и встрѣчаютъ сочувствіе» у государя. Это не помѣшало ему, однако, кончить бесѣду загадочной, сухой, почти угрожающей, фразой: «теперь будемъ ожидать, что воспослѣдуетъ». «Уходя отъ П. А. Столыпина», замѣчаетъ Шиповъ, «я уносилъ увѣренность, что имъ будетъ сдѣлано все возможное противодѣйствіе осуществленію мысли объ образованіи кабинета изъ руководящихъ элементовъ Государственной Думы».

Д. Н. Шиповъ не ошибся. Но надо сказать, что обстоятельства работали за Столыпина. Какъ разъ въ тотъ моментъ, когда въ Петергофѣ, быть можетъ, господствовало еще настроеніе нерѣшительности, въ Государст-

венной Думѣ былъ неосторожно поднятъ, по почину В. Д. Кузьмина-Караваева, вопросъ объ обращеніи къ населенію, въ отвѣтъ на правительственное сообщеніе по аграрному вопросу. Я узналъ объ этомъ уже тогда, когда дѣло было на ходу. Я предупредилъ фракцію объ опасныхъ послѣдствіяхъ этого шага для судьбы вопроса о кабинетѣ. Но я могъ только добиться нѣкоторыхъ смягченій въ политическомъ толкованіи этого шага. Онъ, несомнѣнно, *могъ* сойти за конституціонный поводъ къ роспуску, котораго не находилъ Шиповъ въ бесѣдѣ съ государемъ. По словамъ Шипова, «отъ многихъ лицъ онъ узналъ», что возбужденіе въ Думѣ этого вопроса, а также убійства Чухнина въ Севастополѣ и Козлова въ Петергофѣ, послужили поводомъ къ тому, что «реакціонныя теченія въ Петербургѣ и Петергофѣ возобладали и облегчили П. А. Столыпину осуществленіе его намѣреній».

Указъ о роспускѣ былъ подписанъ 8-го іюля, и Столыпинъ самъ былъ назначенъ тѣмъ премьеромъ министерства роспуска Думы, роль котораго онъ пытался предоставить Шипову.

Трудно спорить о томъ, какъ пошло бы дѣло, если бы не случилось упомянутыхъ эпизодовъ — и, вообще, никакихъ эпизодовъ этого рода.

Но ужъ изъ той шаткости положенія, которую эти эпизоды обнаружили, можно сдѣлать выводъ, до какой степени мало соотвѣтствовали настроенія власти намѣренію осуществить парламентарное министерство.

При такихъ настроеніяхъ власти было бы наивно думать, что парламентарное министерство не осуществилось, потому что нельзя было выдвинуть Муромцева на мѣсто Милюкова. Оно не осуществилось, потому что не только о парламентаризмѣ, но и о конституціи не могло быть и рѣчи, потому что для помѣстнаго сословія не только Кутлеръ, но и Витте были революціонерами. Потому что тотъ же царь, который отпускалъ Шипова талейрановской фразой о равновѣсіи «умственнаго и духовнаго» начала, становился искрененъ лишь тогда, когда торжественно заявлялъ своимъ вѣрнымъ слугамъ-дворянамъ, что самодержаніе останется такимъ же, какъ было встарь, и что «солнце правды» снова засвѣтитъ надъ Россіей, какъ только объединятся» истинно-русскіе люди.

ЭПИЛОГЪ

I.

Водораздѣлъ.

Роспускъ первой Государственной Думы былъ той гранью, на которой общественные дѣятели, уже распредѣлившіеся послѣ манифеста 17 октября по разнымъ политическимъ группамъ, окончательно разошлись въ разныя стороны.

Тогда, какъ и теперь, граница между двумя лагерями прошла по партіи народной свободы. Правый флангъ ея, какъ Н. Н. Львовъ, кн. Е. Н. Трубецкой отошли въ «мирное обновленіе», слившись съ не-кадетами, — и личными друзьями, гр. П. А. Гейденомъ, М. А. Стаховичемъ, и приблизившись къ А. И. Гучкову.

Подавляющее большинство депутатовъ партіи к.-д. осталось вѣрно линіи коалиціи съ лѣвыми, взятой въ первой Думѣ, и поѣхало въ Выборгъ. Кое-кто остался по-серединѣ, не примыкая ни къ тѣмъ, ни къ другимъ. Такова была позиція кн. Г. Е. Львова; сюда-же, пожалуй, можно отнести и Д. Н. Шипова.

Отдѣльныя фигуры изъ этого центра и правой, какъ Г. Е. Львовъ, М. А. Стаховичъ, Н. Н. Львовъ съѣздили въ Выборгъ, показались въ Бельведерской гостинницѣ — и уѣхали, ограничивъ свое посѣщеніе информаціонными цѣлями. Какъ теперь, формальной причиной расхожденія явилось отношеніе къ «революціи» и къ предѣламъ прерогативы верховной власти, вызвавшее уходъ князя Е. Н. Трубецкого отъ к.-д. Подразумѣваемой причиной было кадетское рѣшеніе аграрнаго вопроса, заставившее Н. Н. Львова формально покинуть партію народной свободы.

Освободившись отъ связи съ «лѣвыми», общественные дѣятели старо-земскаго типа (или, какъ теперь выражается А. И. Гучковъ, «подлинные» земскіе и городскіе дѣятели), продолжали питать надежды на компромиссъ съ побѣдившей властью. «Лѣвые» искали поддержки въ настроеніи народныхъ массъ. Ошиблись тѣ и другіе, но кто ошибся больше?

II.

Смыслъ выборгскаго воззванія.

Прежде чѣмъ перейти къ воспоминаніямъ Д. Н. Шипова о послѣдней попыткѣ созданія «министерства общественнаго довѣрія», я хочу остановиться нѣсколько на попыткѣ «лѣвыхъ», опереться на народъ. Не буду отрицать су-

ществованія иллюзій, которыя тогда были господствующими.

М. М. Винаверъ разсказалъ подробно, съ какимъ настроеніемъ Дума готовилась къ возможному роспуску. Скажу лишь, что Выборгскій манифестъ, о которомъ наговорено столько нелѣпостей, былъ минимумомъ того, что можно было сдѣлать, чтобы дать выходъ общему настроенію. Для членовъ партіи народной свободы это была попытка предотвратить вооруженное столкновеніе на улицахъ Петрограда, завѣдомо осужденное на неудачу, и дать общему негодованію форму выраженія, которая не противорѣчила конституціонализму, стоя на самой грани между законнымъ сопротивленіемъ нарушителямъ конституціи и революціей. Примѣръ такого сопротивленія въ Венгріи изъ-за конфликта по вопросамъ народнаго образованія былъ на - лицо.

Согласившись съ лѣвымъ крыломъ Думы на совмѣстное конституціонное выступленіе въ Выборгѣ, конституціонные элементы тотчасъ-же послѣ Выборга, на совѣщаніи въ Теріокахъ, отвергли революціонныя выступленія, какъ послѣдовавшнія затѣмъ возстанія въ Кронштадтѣ, Свеаборгѣ и т. д.

Самое приглашеніе народу — не платить податей и не давать солдатъ — имѣло условное значеніе, — въ случаѣ, если не будутъ назначены выборы въ новую Гос. Думу, —

и примѣненіе этихъ мѣръ начиналось не немедленно, а по выясненіи настроеній въ народѣ и не раньше осенняго призыва. Такимъ образомъ, въ сущности, Выборгское воззваніе осталось политической манифестаціей и мѣрой на крайній случай, — который не наступилъ, ибо выборы во вторую Думу были назначены.

Что касается к.-д., то они и формально отмѣнили мѣры Выборгскаго воззванія послѣ лѣтняго совѣщанія въ Финляндіи, на которомъ выслушаны были доклады съ мѣстъ, выяснившіе, что, хотя настроеніе на мѣстахъ имѣется, и спорадически Выборгскій манифестъ можетъ быть осуществленъ, но на массовую демонстрацію этого рода разсчитывать нельзя. При такомъ положеніи Выборгскій манифестъ, потерявъ уже свое политическое значеніе, — могъ, очевидно, только дать сигналъ къ преслѣдованіямъ отдѣльныхъ жертвъ. Вотъ почему, вмѣсто демонстрацій въ воинскихъ присутствіяхъ, члены партіи и начали готовить выборы во вторую Гос. Думу.

Нельзя также сказать, чтобы иниціаторы Выборгскаго воззванія не предусматривали возможности неудачи. Я лично, на томъ утреннемъ совѣщаніи у И. И. Петрункевича, о которомъ разсказалъ М. М. Винаверъ, прочтя участникамъ совѣщанія тутъ-же составленнный мною проектъ воззванія, гдѣ вклю-

чена была основная мысль Выборгскаго манифеста, поставилъ предварительный вопросъ: отдаютъ-ли себѣ отчетъ мои товарищи, что послѣдствіемъ подобнаго воззванія можетъ быть лишеніе ихъ избирательныхъ правъ и что, въ результатѣ, получится то-же обѣдненіе представительства, на которое обрекли революцію члены французскаго учредительнаго собранія 1789-1791 гг., когда лишили себя добровольно права быть выбранными въ слѣдующее законодательное собраніе. Мои друзья рѣшительно заявили, что эту возможность они вполнѣ сознаютъ и идутъ на нее. Послѣ этого проэктъ былъ принятъ.

Наши друзья справа на всѣхъ этихъ тонкостяхъ не останавливались. Для нихъ совершенный въ Бельведерской гостинницѣ актъ былъ уже актомъ революціоннымъ, — и они отъ него поспѣшно отгородились. Побывавъ въ Выборгѣ, они вернулись въ Петроградъ. Здѣсь они продолжали вести переговоры съ Столыпинымъ объ участіи, — конечно, уже не Милюкова или Муромцева, а общественныхъ дѣятелей собственной окраски, — въ «министерствѣ общественнаго довѣрія».

Выборгскій манифестъ не вызвалъ народнаго сопротивленія, но своихъ ближайшихъ цѣлей онъ достигъ. Общественному негодованію былъ данъ сравнительно свободный и законный выходъ; правительство-же продол-

жало нѣкоторое время пребывать въ страхѣ, что тѣ опасенія, которыя оно само питало, колеблясь рѣшиться на роспускъ Думы, могутъ оправдаться. Не будь Выборгскаго манифеста, навѣрное, не было-бы назначенія выборовъ, или они были-бы назначены съ тѣмъ нарушеніемъ избирательнаго закона, какое имѣло мѣсто послѣ роспуска второй Думы. Опасаясь волненій, правительство еще думало объ «успокоеніи всѣхъ классовъ населенія», и на этой почвѣ П. А. Столыпинъ продолжалъ разговоры съ общественными дѣтелями октябристскаго и мирнообновленческаго толка.

Быстрая перемѣна тона этихъ разговоровъ и полный отказъ отъ дѣйствительной общественной поддержки прекрасно характеризуютъ, какъ скоро правительство оправилось отъ страха, внушеннаго шагомъ перваго народнаго представительства.

III.

Игра П. А. Столыпина.

Перехожу теперь къ воспоминаніямъ Д. Н. Шипова, въ которыхъ эта эволюція настроеній власти отразилась очень наглядно.

На другой день послѣ роспуска Думы, 10 іюля, Шиповъ уѣхалъ въ Москву, «не предполагая въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ возвратиться» въ столицу. Однако,

12 іюля онъ получилъ повторныя телеграммы Н. Н. Львова и М. А. Стаховича, къ которымъ присоединился и графъ Гейденъ. Вечеромъ 14 іюля Шиповъ уже былъ въ Петербургѣ. Вотъ что онъ тамъ нашелъ:

«Отъ графа П. А. Гейдена, Н. Н. Львова, А. И. Гучкова и М. А. Стаховича я узналъ что П. А. Столыпинъ, занятый сформированіемъ министерства, вступилъ въ переговоры съ первыми тремя изъ перечисленныхъ лицъ, въ то-же время онъ просилъ убѣдить меня принять участіе въ образуемомъ имъ кабинетѣ и говорилъ, что съ такимъ-же приглашеніемъ онъ имѣетъ въ виду обратиться къ князю Г Е. Львову Я отнесся къ мысли объ участіи моемъ въ кабинетѣ Столыпина отрицательно и высказалъ, что П. А. Столыпинъи я совершенно различно понимаемъ задачи правительственной власти вообще и особенно въ переживаемое время. Я вижу въ немъ человѣка воспитаннаго и проникнутаго традиціями стараго строя, считаю его главнымъ виновникомъ роспуска Гос. Думы и лицомъ, оказавшимъ несомнѣнное противодѣйствіе образованію кабинета изъ большинства Гос. Думы; не имѣю вообще никакого довѣрія къ П. А. Столыпину и удивляюсь, какъ онъ, зная хорошо мое отношеніе къ его политикѣ, ищетъ моего сотрудничества. Н. Н. Львовъ, А. И. Гучковъ и М. А. Стаховичъ, примирившіеся съ фактомъ

роспуска Гос. Думы, видѣли въ П. А. Столыпинѣ человѣка, способнаго въ сотрудничествѣ съ общественными дѣятелями осуществить реформы, вызываемыя манифестомъ 17 октября, и старались убѣдить меня въ правильности ихъ точки зрѣнія.

Графъ П. А. Гейденъ скептически относился къ этимъ предположеніямъ, склонялся къ моей оцѣнкѣ политической физіономіи П. А. Столыпина, но, тѣмъ не менѣе, находилъ лучшимъ не уклоняться отъ переговоровъ съ нимъ и постараться выяснить опредѣленно его намѣренія и программу». Нѣсколько дней спустя, графъ П. А. Гейденъ очень мѣтко и ярко опредѣлилъ, зачѣмъ Столыпину нужны были услуги общественныхъ дѣятелей. «Очевидно», замѣтилъ онъ Шипову, съ характернымъ для него юморомъ, «насъ съ вами приглашали на роли наемныхъ дѣтей при дамахъ легкаго поведенія». Понималъ это прекрасно и самъ Д. Н. Шиповъ. «Для насъ обоихъ, т. е. для кн. Г. Е. Львова и меня, было совершенно ясно, что П. А. Столыпинъ желаетъ привлечь насъ къ участію въ кабинетѣ не въ силу того, чтобы предоставить намъ возможность содѣйствовать дѣйствительному проведенію въ жизнь началъ, положенныхъ въ основу манифеста 17 октября, а лишь потому, что онъ, хотя человѣкъ очень самоувѣренный и смѣлый, тѣмъ не менѣе опасается общест-

веннаго противодѣйствія своимъ начинаніямъ-и въ нашемъ участіи въ кабинетѣ видитъ толь, ко средство для примиренія возбужденнаго общественнаго настроенія съ правительствомъ»

Тѣмъ не менѣе, ему и кн. Львову на слѣдующій день пришлось видѣться съ П. А. Столыпинымъ, въ качествѣ дѣятелей общеземской организаціи для продовольственной помощи населенію. Вотъ какъ это случилось:

«15 іюля въ С. Петербургъ пріѣхалъ кн. Г. Е. Львовъ, какъ предсѣдатель общеземской организаціи, для переговоровъ съ министромъ внутреннихъ дѣлъ по вопросу объ организаціи продовольственной помощи населенію. О своемъ пріѣздѣ онъ собщилъ тотчасъ-же П. А. Столыпину, не зная еще ничего объ его намѣреніяхъ по образованію кабинета, и просилъ назначить время пріема. Въ этотъ день всѣ упомянутые выше общественные дѣятели собрались въ гостинницѣ «Франція» за завтракомъ и въ бесѣдѣ между собой обсуждали занимавшій всѣхъ насъ вопросъ. Въ это время князю Г. Е. Львову доложили, что его проситъ по телефону предсѣдатель совѣта министровъ. Возвратясь въ столовую, Г. Е. сказалъ, что П. А. Столыпинъ проситъ его и меня, какъ членовъ управленія общеземской организаціи, пріѣхать къ нему на дачу сегодня въ 4 часа дня для переговоровъ по вопросу о продовольственной помощи населенію при

содѣйствіи общеземской организаціи. Я предчувствовалъ, что въ этомъ приглашеніи готовится ловушка, но формально дѣло было поставлено такъ, что уклониться отъ этого свиданія было невозможно.

IV.

Безплодныя попытки.

Свиданіе Д. Н. Шипова съ П. А. Столыпинымъ состоялось — и вышло безпорядочнымъ и бурнымъ. Обѣ стороны волновались, перебивали другъ друга, перескакивали съ предмета на предметъ: вмѣсто переговоровъ вышла словесная борьба . Д. Н. Шиповъ признаетъ невозможность воспроизвести эту бесѣду въ систематическомъ порядкѣ.

Вотъ какъ Д. Н. Шиповъ разсказываетъ о ней:

«Какъ только мы вошли въ кабинетъ, П. А. Столыпинъ обратился ко мнѣ со словами: «Вотъ, Д. Н., роспускъ Думы состоялся; какъ теперь относитесь къ этому факту»? Я отвѣчалъ что П. А. извѣстно мое отношеніе къ этому факту, и я остаюсь при своемъ убѣжденіи. Такое начало не могло не отразиться на настроеніи вопрошавшаго и на предстоящихъ переговорахъ. Послѣ моей реплики П. А.

Столыпинъ сказалъ: «я обращаюсь къ вамъ обоимъ съ просьбой войти въ составъ образуемаго мной кабинета и оказать ваше содѣйствіе осуществленію конституціонныхъ началъ, возвѣщенныхъ манифестомъ 17 октября». Мы говорили, что прежде чѣмъ дать нашъ отвѣтъ, намъ необходимо ознакомиться съ политической программой предсѣдателя совѣта министровъ. П. А. заявилъ, что теперь не время для словъ и для программъ; сейчасъ нужны дѣло и работа. Мы указывали на необходимость рѣшительной перемѣны правительственной политики и скорѣйшаго созыва новой Государственной Думы. П. А. говорилъ, что прежде всего, для успокоенія всѣхъ классовъ населенія, нужно въ ближайшемъ-же времени дать каждой общественной группѣ удовлетвореніе ея насущныхъ потребностей и тѣмъ привлечь ихъ на сторону правительства. Дѣлу повѣрятъ скорѣе и больше, чѣмъ словамъ.

Иллюстрируя свою мысль, П. А. говорилъ, между прочимъ, что нужно будетъ привлечь и вліятельныхъ евреевъ, выяснивъ съ ними, что необходимо и возможно предоставить теперь-же еврейству, въ цѣляхъ успокоенія революціоннаго въ его средѣ настроенія. Мы горячо возражали противъ такой политики и указывали, что, во всякомъ случаѣ, никакія мѣропріятія, нуждающіяся въ законодательной санкціи, не могутъ быть осу-

ществляемы помимо законодательныхъ учрежденій, и недоумѣвали, какъ правительство можетъ предрѣшать послѣ 17 октября 1905 г. помимо народнаго представительства, какія именно реформы должны быть проведены въ жизнь. П. А. Столыпинъ заявилъ, что ему совершенно ясно, какія мѣропріятія являются неотложными и требуютъ скорѣйшаго осуществленія. Онъ критически относился къ законодательной способности Гос. Думы, особенно въ первое время, и еще подтвердилъ свою увѣренность, что правительство сумѣетъ предоставить безотлагательно всѣмъ классамъ населенія то, что имъ дѣйствительно нужно.

Мы обращали его вниманіе, что разъ высочайшею властью населенію предоставлено право самоопредѣленія въ государственной жизни, осуществляемое посредствомъ избираемыхъ имъ представителей, то какъ правительство Его Величества можетъ нарушить это право? Если даже допустить всегда возможныя ошибки законодательныхъ учрежденій, то пусть населеніе будетъ знать, что эти ошибки — ошибки его избранниковъ, и будетъ имѣть это въ виду при слѣдующихъ выборахъ; ошибки-же правительства будутъ только питать еще болѣе непріязни къ нему населенія. Я сказалъ П. А. Столыпину:

«Какая-же будетъ разница между характеромъ вашей политики и политики вашихъ

предшественниковъ; развѣ графъ Толстой, Сипягинъ, Плеве не желали блага Россіи, какъ они его понимали; развѣ графъ Витте не говорилъ, что онъ знаетъ, что нужно для счастья Россіи? Если ихъ политика была, однако, пагубна для страны, то они, по крайней мѣрѣ, имѣли оправданіе въ томъ, что дѣйствовали при старомъ строѣ; но какъ можно идти тѣми-же путями послѣ акта 17 октября? Я не сомнѣваюсь, что такая политика приведетъ правительство на путь реакціи и не только не внесетъ въ страну успокоенія, но заставитъ васъ прибѣгнуть черезъ два-три мѣсяца къ самымъ крутымъ мѣрамъ и репрессіямъ».

П А. Столыпинъ былъ этими словами крайне возбужденъ и воскликнулъ:

Какое право имѣете вы это говорить!?» «Вы приглашаете меня вступить въ вашъ кабинетъ», отвѣчалъ я, «и я считаю себя обязаннымъ откровенно высказать вамъ свое убѣжденіе». Въ дальнѣйшемъ кн. Львовъ и я пытались выяснить тѣ условія, при которыхъ мы сочли-бы возможнымъ принять приглашеніе П. А. Столыпина, а именно: привлеченіе общественныхъ дѣятелей въ кабинетъ должно быть Высочайшимъ актомъ объяснено цѣлью созданія необходимаго взаимодѣйствія правительства и общества; общественнымъ дѣятелямъ, объединившимся между собой на

одной политической программѣ, должна быть предоставлена половина мѣстъ въ кабинетѣ и въ томъ числѣ портфель министра внутреннихъ дѣлъ; новымъ кабинетомъ должно быть опубликовано правительственное сообщеніе, опредѣляющее задачи, которыя ставитъ себѣ кабинетъ; должны быть подготовлены къ внесенію въ Гос. Думу законопроекты по важнѣйшимъ вопросамъ государственной жизни, регулирующіе пользованіе свободами, дарованными манифестомъ 17 октября; примѣненіе смертной казни должно быть немедленно пріостановлено впредь до разрѣшенія вопроса законодательнымъ порядкомъ.

П. А. Столыпинъ выслушивалъ наши заявленія невнимательно, иногда возражалъ или отзывался очень неопредѣленно и въ заключеніе сказалъ, что тепрь не время разговаривать о программахъ, а нужно общественнымъ дѣятелямъ вѣрить царю и его правительству и самоотверженно отнестись къ призыву правительства при тяжелыхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ находится страна.

Видя, что мы не находимъ общаго языка съ П. А. Столыпинымъ и совершенно различно оцѣниваемъ значеніе переживаемаго времени, кн. Г. Е. Львовъ и я сочли дальнѣйшій обмѣнъ мнѣній съ предсѣдателемъ совѣта министровъ безполезнымъ и простившись съ нимъудалились».

V.

Попытка «обновленія» строя.

Казалось, этой бесѣдой — перебранкой вопросъ объ участіи обоихъ посѣтителей въ кабинетѣ Столыпина былъ рѣшенъ окончательно. Но Н. Н. Львовъ, М. А. Стаховичъ и А. И. Гучковъ не хотѣли сдаваться.

Графъ Гейденъ, соглашавшійся признать, что Столыпинъ неискрененъ и что сговориться съ нимъ невозможно, тѣмъ не менѣе тоже не обрывалъ переговоровъ. Въ отвѣтъ на разсказъ Д. Н. Шипова и кн. Г. Е. Львова, — Н. Н. Львовъ, М. А. Стаховичъ и А. И. Гучковъ «продолжали выражать довѣріе готовности и способности предсѣдателя совѣта министровъ честно вступить на путь обновленія нашего государственнаго строя, полагали, что между нами двумя съ одной стороны и П. А. Столыпинымъ съ другой — имѣли мѣсто въ переговорахъ какія-либо недоразумѣнія, вслѣдствіе которыхъ мы плохо другъ друга поняли и сожалѣли, что и мы пришли къ окончательному отрицательному рѣшенію».

Это уже была, если не искренность, то очевидная предвзятость. Однако, уступая друзьямъ, Шиповъ и кн. Львовъ 17 іюля отправили Столыпину письмо, въ которомъ еще разъ, подробно и систематически, повторяли свои доводы и формулировали условія

своего участія. Опять они утверждали, что ослабить революцію можно только «открытымъ выступленіемъ правительства навстрѣчу свободѣ и соціальнымъ реформамъ», осуждали политику «приготовленія общества къ свободнымъ реформамъ маленькими уступками», требовали 7 портфелей изъ 13 (въ томъ числѣ министра внутрен. дѣлъ), хотѣли, чтобы эти 7 лицъ были «сплочены единствомъ политическихъ взглядовъ и объединились на одной политической программѣ», требовали правительственнаго заявленія о предстоящемъ внесеніи въ Думу законопроектовъ, въ томъ числѣ аграрнаго съ «принудительнымъ отчужденіемъ частновладѣльческихъ земель», хотя-бы въ отдѣльныхъ случаяхъ, пріостановки смертныхъ приговоровъ до созыва Думы и амнистіи участникамъ «освободительнаго движенія», «не посягавшимъ на жизнь людей и частное имущество». Срокъ созыва Думы они предлагали приблизить съ февраля 1907 года на 1 декабря 1906 года.

Д. Н. Шиповъ откровенно признаетъ, что всѣ эти предложенія дѣлались не только для очистки совѣсти. Оба подписавшихся все еще думали, что или ихъ заключеніе изъ бесѣды съ Столыпинымъ, «могло быть ошибочнымъ», или Столыпинъ могъ ихъ неправильно понять. Къ чувству отвѣтственности примѣшивалась, очевидно, и нѣкоторая доля

наивности. «Весь день (17 іюля) мы поджидали», говоритъ Шиповъ, «какого-либо отзыва на наше письмо, имѣя въ виду, при желаніи П. А. Столыпина, вновь его посѣтить (послѣ того какъ двумя днями раньше Д. Н. Шиповъ не хотѣлъ посѣщать ни разу). Допуская возможность такого предположенія, мы на всякій случай составили списокъ лицъ, изъ которыхъ могъ-бы быть составленъ коалиціонный кабинетъ». Въ спискѣ фигурировали: кн. Львовъ (внутрен. дѣлъ). Кони или Лопухинъ, Мануйловъ, М. Федоровъ или Тимирязевъ, Шиповъ, Е. Н. Трубецкой и Гейденъ.

Мало того, гр. Гейденъ втеченіе того-же 17 іюля, когда продолжалось это ожиданіе, «былъ вновь у П. А. Столыпина, по его приглашенію», и вновь пытался убѣдить Столыпина привлечь кн. Львова и Шипова въ кабинетъ, ссылаясь на то, что Государь, «судя по впечатлѣнію, вынесенному Д. Н. Шиповымъ изъ аудіенціи въ Петергофѣ, одобряетъ опредѣленный искренній переходъ къ новому курсу государственной жизни». Очень любопытенъ отвѣтъ Столыпина на послѣдній доводъ. Онъ всецѣло подтверждаетъ изложенное мною толкованіе словъ Государя Шипову.

«По поводу предоставленной мнѣ аудіенціи, П. А. сказалъ, что Государь только разспрашивалъ меня, но ничего не высказывалъ съ своей стороны, и затѣмъ П. А. доба-

вилъ, будто я во время аудіенціи, уклоняясь отъ порученія по сформированію коалиціоннаго кабинета, мотивировалъ свое рѣшеніе несочувствіемъ началамъ, возвѣщеннымъ манифестомъ 17 октября, и преданностью идеѣ самодержавія». Характерно это коварство, съ которымъ использованы здѣсь вѣрноподданническія заявленія Шипова, извѣстнаго противника конституціонализма, «конституціоналиста по приказу Его Величества». Одинъ этотъ маленькій штрихъ приподнимаетъ завѣсу надъ той тонкой игрой, которой свои вовлекали чужихъ въ невыгодную сдѣлку, пытаясь связать ихъ и скомпрометировать соучастіемъ — и ничего не уступая взамѣнъ. Тутъ только и гр. Гейденъ пришелъ къ приведенному выше мѣткому сравненію этой игры съ приглашеніемъ общественныхъ дѣятелей на роль мнимыхъ дѣтей при дамахъ демимонда.

VI.

«Не запугаете» — «не обманете».

Не дождавшись отвѣта до поздняго вечера 17 іюля, Шиповъ уѣхалъ въ Москву: его обычный жестъ въ такихъ случаяхъ. Однако же, Столыпинъ зналъ приличія, и письмо было написано и даже послано въ гостинницу

«Франція». Какъ и слѣдовало ожидать, Столыпинъ и не думалъ продолжать разговора о вступленіи въ министерство. Онъ просто принималъ письмо за отказъ и выражалъ «душевное сожалѣніе», что не могъ получить «цѣннаго и столь желательнаго сотрудничества». Это было искренне, даже если понять «цѣнность» и «желательность» въ смыслѣ аналогіи графа Гейдена. Менѣе искренна была дальнѣйшая аргументація, изложенная въ небрежно спѣшной и отрывочной формѣ. «Я не признаю никакихъ уступокъ, ни большихъ, ни маленькихъ». Смертная казнь, амнистія зависятъ отъ «свободной воли монарха»; портфель внутреннихъ дѣлъ — отъ него же: «пока, видимо, Государь еще не освободилъ меня отъ этой ноши». А приблизить созывъ Думы? «Конституціоналистъ» Столыпинъ читаетъ тутъ урокъ неконституціоналисту Шипову: это «противорѣчило бы основнымъ законамъ», столь же дорогимъ Столыпину, какъ и «свободная воля монарха». Не удерживается Столыпинъ и отъ ядовитаго и насмѣшливаго напоминанія: вѣдь былъ моментъ, когда онъ «говорилъ о сформированіи вами (Шиповымъ) министерства». Нужно подразумѣвать: тотъ случай вы прозѣвали. А теперь, когда «я предлагалъ вамъ и кн. Львову войти въ мой кабинетъ», вы тоже «разсудили иначе». Надо читать: на себя и пеняйте. «Я вамъ, во всякомъ

случаѣ, благодаренъ за откровенную бесѣду». Читайте: на которую, какъ и Государь, я не отвѣтилъ вамъ тѣмъ же.

Въ своихъ воспоминаніяхъ Д. Н. Шиповъ продолжаетъ полемизировать съ письмомъ П. А. Столыпина. Онъ отмѣчаетъ «отсутствіе искренности и откровенности», «софизмы» и «недостойныя отговорки». Но весь основной тонъ письма, тонъ торжествующей иронiи, видимо, отъ него ускользаетъ. Онъ добросовѣстно радъ не только тому, что, наконецъ, съ него снята отвѣтственность за отказъ, но даже и тому, что, повидимому, ему удалось убѣдить Столыпина, что брать Шипова и Львова въ столыпинскій кабинетъ не слѣдуетъ. «Письмо П. А. Столыпина успокоило наше самочувствіе, выяснивъ опредѣленно принципіальную невозможность нашего участія въ формируемомъ имъ министерствѣ, что, очевидно, было понято имъ самимъ, такъ какъ, говоря въ своемъ отвѣтѣ, что «въ общимъ чертахъ въ программѣ мы мало расходимся» онъ, тѣмъ не менѣе, не вызываетъ насъ болѣе на продолженіе переговоровъ». Друзей Шипова оказалось еще труднѣе убѣдить, что они, — лишніе. Изъ записокъ Шипова видно, насколько долженъ былъ еще возрости цинизмъ Столыпина, чтобы сперва графъ Гейденъ, затѣмъ Н. Н. Львовъ и, наконецъ, М. А. Стаховичъ, пришли къ столь, казалось бы, не-

сложному заключенію. 20 іюля Стаховичъ писалъ Д. Н. Шипову: «Къ общему удивленію ты оказался наиболѣе правымъ (въ прямомъ, а не политическомъ значеніи слова). А. Ѳ. Кони дважды отказывался, потомъ уступилъ, наконецъ вчера отказался окончательно. Столыпинъ поѣхалъ съ этимъ извѣстіемъ въ Петергофъ и вернулся неузнаваемымъ. Объявилъ, что свободныхъ только два портфеля; что Щегловитовъ очень нравится Государю; что принимаетъ программы только капитулирующее правительство, а сильное само ихъ ставитъ и одолѣваетъ тѣхъ, кто съ нимъ не согласенъ; что если большинство совѣта будетъ у общественныхъ дѣятелей, то, значитъ, онъ пойдетъ къ нимъ на службу, и т. д., и т. д. Словомъ ты правъ: все хотятъ оставить по старому, не задумываясь о грядущихъ выборахъ и не желая въ сущности ни въ чемъ обновиться, а радуясь семимѣсячной отсрочкѣ. Въ результатѣ всего этого, убѣжденные въ своей мощи, которую наглядно подтверждаютъ событія въ Свеаборгѣ, въ Самарѣ, въ Кронштадтѣ, бунты на броненосцѣ «Память Азова», въ Ревелѣ и гдѣ-то на Кавказѣ, кромѣ обычныхъ грабежей и убійствъ, отъ которыхъ правительство, конечно, не призвано защищать, — они приглашаютъ въ министры Н. Н. Львова и А. И. Гучкова, для чего послѣдніе вызваны сегодня въ семь часовъ вечера въ Петергофъ.

ѣдутъ, чтобы отказаться, но съ намѣреніемъ высказаться откровенно». Итакъ, теперь, послѣ Муромцева, послѣ Шипова, все еще «приглашаютъ въ министры» общественныхъ дѣятелей третьей категоріи, — и даже они «ѣдутъ, чтобы отказаться». Правда, они все еще собираются «высказаться откровенно», въ разсчетѣ — не то кого то въ чемъ то убѣдить, не то облегчить душу. Увы, и эта «откровенность» превращается въ очень своеобразную форму уступчивости передъ лицомъ власти. 25 іюля объ этомъ ехидно сообщаетъ «Новое Время» въ оффиціальномъ сообщеніи. Оказывается, что общественные дѣятели не вошли въ кабинетъ потому... что не столковались между собой! Они «желали составить группу лицъ, единомышленныхъ, которыя должны были войти въ правительство, но это имъ не удалось; отдѣльные же общественные дѣятели, изъ которыхъ Н. Н. Львовъ и А. И. Гучковъ были приняты Его Величествомъ въ продолжительной аудіенціи, полагали, что они, въ цѣляхъ мирнаго проведенія реформъ, могутъ оказать большую пользу, не уходя въ настоящую минуту отъ общественной дѣятельности, которая имъ свойственна и которая требуетъ мобилизаціи всѣхъ трезвыхъ общественныхъ силъ».

Другими словами, послѣдніе отказавшіеся изъявили готовность служить прави-

тельству не въ качествѣ министровъ, а въ качествѣ депутатовъ. Роль, сыгранная въ этомъ направленіи А. И. Гучковымъ, общеизвѣстна. Какова была та реальная обстановка, при которой власть отказалась отъ сотрудничества общественности въ кабинетѣ, а часть общественности пошла на сотрудничество съ властью въ формахъ «лжеконституціонализма», — очень хорошо объяснено въ слѣдующихъ словахъ Д. Н. Шипова. «Указываемое М. А. Стаховичемъ успѣшное подавленіе революціонныхъ вспышекъ, сравнительно спокойное настроеніе широкихъ общественныхъ круговъ и полное отсутствіе какого либо вліянія на населеніе «Выборгскаго воззванія» устранили, повидимому, опасенія П. А. Столыпина, возбужденныя ожидавшимся имъ широкимъ общественнымъ противодѣйствіемъ его политикѣ, и онъ поспѣшилъ отказаться отъ намѣренія привлечь въ свой кабинетъ общественныхъ дѣятелей».

VII.

По пути «великихъ потрясеній».

По поводу записокъ Д. Н. Шипова было недавно высказано предположеніе, что если бы русская интеллигенція оказалась болѣе

уступчива и если бы старое земство сыграло ту роль умѣреннаго центра, на которую ему давала право его дѣловая опытность, то весь ходъ русскихъ событій могъ бы сложиться иначе. Не буду отрицать вредныхъ послѣдствій интеллигентскаго максимализма, съ которымъ и мнѣ лично приходилось немало бороться. Но вѣдь говорящіе такъ забываютъ, что власть не могла сговориться не только съ максималистами. Муромцевъ даже понравился своей умѣренностью, Шиповъ отъ его имени обѣщалъ вполнѣ пріемлемую программу, былъ поощренъ и обласканъ, а въ результатѣ оказалось, что съ нимъ вели просто двойную игру. Шиповъ, какъ кандидатъ, былъ еще болѣе сговорчивъ; онъ не только не отказывался, но почти навязывалъ себя. Н. Н. Львовъ и Гучковъ были еще податливѣе и твердо увѣровали въ политическую честность и личную прямоту Столыпина. И все-таки, изъ всей этой готовности служить — ничего не вышло.

Правда, намъ говорятъ, что въ промежуткѣ «соотношеніе силъ» измѣнилось. Былъ пропущенъ моментъ, и умѣренные стали не нужны. Но вѣдь именно потому и не вышло ничего, что они были нужны только до первой перемѣны въ «соотношеніи силъ». Не говорю уже о томъ, что русскія политическія партіи были

слишкомъ юны, и общественныя силы слишкомъ неорганизованы, чтобы имѣть возможность гибко маневрировать и «не пропустить момента». Но и по существу, побѣда, основанная только на ловлѣ момента, была одинакова непрочна и для той, и для другой стороны. «Соотношеніе силъ» въ пользу стараго было прочнѣе и постояннѣе быстротечной революціонной конъюнктуры. Однако же, и основанная на этомъ соотношеніи силъ политика Столыпина могла лишь отсрочить революцію на десять лѣтъ, причемъ эта отсрочка сопровождалась чрезвычайнымъ углубленіемъ революціоннаго процесса.

Только государственное предвидѣніе могло предупредить надвигавшуюся катастрофу. Въ рядахъ общественности это предвидѣніе вовсе не было такой уже рѣдкостью. Мы видѣли, что Шиповъ ставилъ въ бесѣдѣ съ Николаемъ II совершенно вѣрный діагнозъ. Но эти предостереженія натолкнулись на такую толщу непониманія и закоренѣлыхъ предразсудковъ, которая не вполнѣ пробита въ этихъ слояхъ даже и теперь, послѣ двухъ революцій. Въ придворныхъ кругахъ полное незнаніе русской общественности создавало такія грубыя ошибки перспективы, при которыхъ самая элементарная интрига царедворца легко одерживала верхъ надъ государственной проницательно-

стью. Вотъ почему и серьезный компромиссъ былъ невозможенъ, а несерьезный — безполезенъ. Общественность тщетно указывала на мели и подводные камни на пути государственнаго корабля.

«Кормчій» (такъ называли Столыпина) слишкомъ мало вѣрилъ въ силу новаго и слишкомъ полагался на силу стараго, чтобы вовремя замѣтить опасность. Онъ думалъ, что, въ самомъ дѣлѣ, его только «пугаютъ», и отвѣтилъ своимъ знаменитымъ: «Не запугаете».

Многіе тогда увлеклись красотой позы и повѣрили въ убѣжденность оратора. Я не повѣрилъ и тогда же отвѣтилъ Столыпину въ печати: «Не обманете». Теперь уже ясно, что обманъ долженъ былъ быть двойной для полнаго успѣха: обманъ вверхъ и обманъ внизъ. Что касается перваго, враги Столыпина наверху, не дожидаясь даже конца его эксперимента, стали разочарованно упрекать его: «Вы обѣщали успокоить Россію, а успокаивали только Государя». Что касается обмана книзу, — обмана при посредствѣ «удовлетворенія насущныхъ нуждъ всѣхъ классовъ», (включая и «вліятельныхъ евреевъ»), при помощи А. И. Гучкова и созданнаго имъ правительственнаго большинства Государственной Думы, — этотъ обманъ былъ понятъ

и разоблаченъ еще скорѣе. И великая Россія вмѣсто того пути демократическихъ реформъ, на который звала подлинная (безъ кавычекъ) русская общественность, была направлена на путь «великихъ потрясеній» — услужливыми руками царедворца и честолюбца, но не государственнаго человѣка — П. А. Столыпина.

:: Editions ::
«Presse Franco-Russe»
O. Zeluk, Directeur

:: Издательство ::
«Франко-Русск.Печать»
216, Bd Raspail, Paris

Цѣна: 6 фр.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ:

Société Anonyme de Presse, de Publicité et d'Éditions

22, Rue d'Anjou, Paris.